

БЕРДЯНСКИЙ КУРГАН

(Погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н.э.)

В.Ю. Мурзин, Ю.А. Белан, Е.П. Подвысоцкая

БЕРДЯНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В.Ю.Мурзин, Ю.А.Белан, Е.П.Подвысоцкая

БЕРДЯНСКИЙ КУРГАН

**(Погребальный комплекс
скифского аристократа IV в. до н.э.)**

Киев – 2017

УДК
ББК
М

Печатается по решению научно-методического совета
Бердянского краеведческого музея
(протокол №1 от 02.02.2017)

Рецензенты:

А.Ю. Алексеев, Заведующий Отелом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук;

Л.Ф. Ноздрина, Директор Бердянского краеведческого музея, Заслуженный работник культуры Украины;

В.А. Папанова, Заведующий учебной археологической лабораторией Бердянского государственного педуниверситета, доцент, кандидат исторических наук.

В.Ю. Мурзин, Ю.А.Белан, Е.П.Подвысоцкая. БЕРДЯНСКИЙ КУРГАН (Погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н.э.)

ISBN

Бердянский курган был исследован одним из последних в длинной цепи открытий погребальных памятников высшей скифской знати. Несмотря на то, что с момента его исследования прошло уже 40 лет, его материалы опубликованы лишь в отдельных статьях. Данная работа, в определенной степени, призвана устранить этот пробел.

УДК
ББК
ISBN

Мурзин Вячеслав Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии Украины. Специалист в области истории и археологии скифов. Автор более 200 научных работ, изданных в Украине и за ее пределами. В течение многих лет принимал участие в исследовании скифских памятников, в том числе Бердянского кургана.

Белан Юрий Александрович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории ювелирного искусства в Украине Музея исторических драгоценностей Украины – филиала Национального музея истории Украины. Автор более 20 научных работ.

Подвысоцкая Елена Петровна, заместитель главного хранителя Национального музея истории Украины. Автор около 20 научных работ.

© В.Ю.Мурзин, Ю.А.Белан, Е.П.Подвысоцкая, 2017

© ФООП «Видавець Олег Філюк» 2017 | БЕРДЯНСКИЙ
Ю.А.Белан, | КУРГАН
Е.П.Подвысоцкая

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ	2
<i>Глава I.</i> Стратиграфия и планировка курганной насыпи. Порядок строительства кургана и его первоначальный облик	22
<i>Глава 2.</i> Погребальные сооружения и погребальный инвентарь	39
Заключение	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	66
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	73
СПИСОК РИСУНКОВ	74
ПРИЛОЖЕНИЯ	77
Каталог находок из Бердянского кургана	78
Насыпь	78
Погребение № 4.....	78
Конская могила	78
Центральная Могила	79
Входная яма	79
Грабительский ход	79
Заполнение камеры	87
Днокамеры.....	88
Восточная могила.....	113
Входная яма	113
Заполнение камеры	118
Дно камеры	121
Тайник № 2.....	125
Южная могила	126
Перечень материалов из Бердянского кургана, хранящихся в Музее исторических драгоценностей, которые экспонировались на международных выставках	128
Реконструкция узды с золотыми украшениями	128
Реконструкция чаши № 1 с золотым декором	129
Реконструкция чаши № 2 с золотым декором	131

Пластины с изображением льва.....	131
Реконструкция головного убора с золотыми украшениями.....	132
Реконструкция головного убора с золотыми украшениями.....	133
Подвески-цепочки с привеской в виде бутона	133
Пластины с изображением сцены побратимства	134
Пластины с изображением грифона	135
Пластины с изображением сцены борьбы человека со сфинксом	136
Ручка оселка.....	136
Меч	137
Пронизи	137
<i>Каталоги выставок, на которых экспонировались материалы из Бердянского кургана.....</i>	<i>137</i>

В.Ю.Мурзин,
Ю.А.Белан,
Е.П.Подвысоцкая

БЕРДЯНСКИЙ
КУРГАН

ВВЕДЕНИЕ

Широкой полосой на многие тысячи километров – от воспетых не раз голубых вод Дуная до прохладных потоков Онона и Керулена, где некогда взошла воинственная звезда Чингиза, протянулся Великий пояс Евразийских степей. И на всем этом огромном пространстве трудно найти место, где бы не высились “шапки” древних курганов.

Разбросанные группами и по одиночке, различные по высоте и форме, эти рукотворные холмы давно уже стали неотъемлемой частью исторически сложившегося ландшафта. Но даже на общем фоне этих удивительных памятников уникальный историко-культурный феномен представляют грандиозные усыпальницы степных владык Скифии – величественные и грандиозные “пирамиды” Степи.

Немало их до сих пор сохранилось в южных районах Украины. Именно здесь сосредоточены так называемые “царские” курганы скифов (Рис. 1). Так называемых потому, что к числу таких памятников обычно относят не только захоронения верховных властителей Скифии, но и их ближайшего окружения. По своим размерам и богатству инвентаря такие захоронения превосходят большинство погребальных памятников Европы. Изучение этих гигантских – высотой иногда более 20 м, курганов началось более 200 лет назад.

Раскопки одного из них – Литого кургана, предпринятые в 1763 г. неподалеку от современного Кировограда по приказу генерал-губернатора А.П. Мельгунова (поэтому курган также часто называют Мельгуновским), привели к открытию богатого захоронения скифского вождя и стали одной из отправных точек в развитии не только отечественной, но и европейской археологии.

За этими работами последовала целая серия не менее блестящих находок, история которых (Брашинский, 1967, 1979; Черненко, Мурзин, 1982; Мозолевський, 1983; Ельников, Мурзин, 2016) могла бы послужить сюжетом не одного увлекательного рассказа.

В 1830 г. на окраине Керчи П. Дебрюксом и И.А. Стемповским были проведены исследования десятиметрового кургана Куль-Оба, где в склепе с погребенным в нем скифским воином-аристократом и сопровождающими его лицами были обнаружено огромное количество предметов из драгоценных металлов, в том числе знаменитый кубок с изображениями скифов.

Особенно насыщенными событиями оказались вторая половина XIX и самое начало XX вв, в течении которых на территории Нижнего Поднепровья были исследованы величайшие курганы Скифии, по отношению к которым определение “царские” можно употреблять без кавычек и с полной уверенностью.

Так, в 1852-1856 гг. в несколько приемов было осуществлены раскопки Александропольского кургана (Луговой Могилы), высота насыпи которого достигала 21 м.

Как и подавляющее большинство скифских курганов, особенно крупных, он оказался ограбленным в древности. Поэтому в центральной гробнице с останками двух погребенных вещей почти не оказалось. Однако при многочисленных захоронениях сопровождавших их коней были выявлены роскошные конские уборы с золотыми и серебряными украшениями.

Примерно в эти же годы начинается плодотворная археологическая деятельность И.Е. Забелина, с именем которого связано одно из величайших открытий в области скифоведения. В 1859 г. он осмотрел расположенный неподалеку от г. Никополя курган Чертомлык, высота насыпи которого превышала 20 м, а диаметр составлял около 115-120 м.

И.Е. Забелин был к тому времени уже весьма авторитетным историком, однако не имел опыта археологических раскопок. Поэтому он, прежде чем приступить к изучению Чертомлыка, исследовал в его окрестностях несколько меньших по сравнению с ним курганов скифской знати – Краснокутский, Гермесов, Острую Томаковскую Могилу, Слоновскую и Томаковскую Близницы.

В 1862-1863 гг. он осуществляет раскопки самого Чертомлыка. Интересно, что И.Е. Забелин уже хорошо осознавал необходимость исследования всего кургана – в том числе его насыпи, полностью. Однако из-за трудоемкости этой задачи и недостатка средств была открыта лишь центральная часть кургана. В результате была обнаружена глубокая и обширная многокамерная гробница, где были захоронены скифский царь и сопровождающие его “царица” и слуги. В гробнице, насыпи кургана, а также в конских могилах было найдено около 7 тысяч разнообразных предметов, часть из которых представляет собой выдающиеся шедевры древнего ювелирного искусства. К числу последних, прежде всего, относится серебряная амфора, фриз которой украшают рельефные изображения укрощающих коней скифов.

Надо заметить, что И.Е. Забелин не только внимательно и тщательно провел раскопки Чертомлыка. В отличие от ряда своих предшественников и многих последователей он подробно и в достаточно короткие сроки опубликовал их основные результаты (ДГС 1872, с. 74-118).

Не уступал Чертомлыку по размерам и располагавшийся на левобережье современной Херсонской области курган Огуз, высотой около 20 м. Он исследовался известным археологом Н.И. Веселовским в 1891-1894 гг. Главную достопримечательность этого памятника составляла сооруженная в огромной яме каменная гробница. Она была сложена из хорошо обработанных каменных блоков, соединенных железными скобами, и имела уступчатое перекрытие. Сама гробница оказалась основательно ограбленной и особых сенсаций не принесла. Однако позднее местные крестьяне обнаружили в неисследованной части кургана более 200 золотых украшений конской узды и седел, что послужило в 1902 г. основанием для дополнительного изучения кургана Н.В. Роттом, благодаря которому удалось купить часть из похищенных вещей и обнаружить новые.

Определенное разочарование, которое, вероятно, испытал Н.И. Веселовский после этой истории, он компенсировал позднее – в 1912-1913 гг. Именно в этот период

он произвел исследования 18-метрового кургана Солоха, впечатляющие останцы насыпи которого и ныне высятся на юге Запорожской области. Здесь им было обнаружено ограбленное центральное погребение с небольшим количеством уцелевших вещей, и боковая гробница, которую грабители обошли стороной. В ней покоились останки скифского властелина, окруженного поистине царской роскошью. Среди находок – большие бронзовые котлы, серебряные и золотые сосуды, многочисленные украшения и драгоценное оружие. В числе последнего – футляр для лука и стрел, украшенный серебряной пластиной со сценами боя между молодыми безбородыми и бородатыми, взрослыми скифами. Но самой удивительной находкой среди обнаруженных вещей, является, пожалуй, золотой гребень, увенчанный скульптурной группой из трех вступивших в смертельную схватку скифов.

Затем в раскопках больших скифских курганов наступила длительная пауза, растянувшаяся более чем на полвека. Она была обусловлена целым рядом разнообразных причин. Это и пришедшиеся на этот период тяжелые годы революции, голода и войн. Это и необыкновенная трудоемкость раскопок “царских” курганов, в процессе которых необходимо переместить десятки тысяч кубометров земли и камней. Наконец, нельзя сбрасывать со счета и стремление самих археологов несколько изменить акценты в своих изысканиях и приступить к исследованию малоизученных на то время “рядовых” скифских курганов и немногочисленных в степной полосе памятников скифской оседлости. Классическими примерами таких работ стали раскопки курганов под Никоподем и расположенного на противоположной стороне Днепра Каменского городища скифской эпохи, начатые в конце 30-х гг. Б.Н. Граковым (1954; 1962).

Впрочем, когда мы говорим о длительной паузе в исследованиях курганов скифской знати, необходимо сделать некоторые оговорки, лишний раз подтверждающие прописную истину об отсутствии правил без исключений.

Во-первых, в 1925 г. увидела свет одна из определивших развитие современного скифведения работ (Ростовцев 1925), где, наряду с другими археологическими материалами, была дана характеристика исследованных к тому времени курганов скифской знати.

Во-вторых, весной и летом 1954 г. были проведены, хотя и не запланированные, раскопки большого (на момент раскопок его высота составляла около 5 – 6 м) скифского кургана в г. Мелитополе. Начались они со случайности – житель этого города во время земляных работ на своем подворье, стоявшем на месте разрушенного кургана, наткнулся на провал, где обнаружил золотые бляшки. Для исследования памятника выехала группа киевских археологов во главе с А.И. Тереножкиным. Опыта раскопок больших скифских курганов у них, как, впрочем, практически у всех специалистов того поколения, не было.

Поэтому они надеялись справиться с работой довольно быстро – примерно за месяц. Однако раскопки растянулись. Были выявлены две катакомбные гробницы, причем глубина центральной составила более 12 м. Недавно удалось обнаружить написанные в этой экспедиции письма А.И. Тереножкина к В.А. Ильинской. Она

была не только его женой, но и коллегой. Поэтому в письмах подробно описан весь ход раскопок, которые в конечном итоге привели к открытию многих чудесных вещей, в том числе золотой обивки налучья, украшенной изображением различных эпизодов жизни греческого героя Ахилла. Из этого своеобразного эпистолярного дневника (Іллінський, Мурзін 1999) видно, как трудно и сложно искал А.И. Тереножкин пути к правильной организации раскопок, обеспечению их безопасности. В результате им были предприняты меры к креплению катакомб по образцу горных выработок, что и позволило исследовать обнаруженные гробницы. “Действительно, крепление – писал А.И. Тереножкин в этой связи – очень серьезная вещь. Знание того, как нужно идти с креплением, может быть и еще когда-нибудь пригодится” (Іллінський, Мурзін 1999, с. 103). Такой опыт действительно пригодился, однако до этого дня прошло еще немало времени.

Со второй половины 60-х гг. в южно-украинских степях широкий размах приобретают мелиоративные работы. Площадь будущих орошаемых земель была огромной, огромным было и число курганов, расположенных в зоне строительства. Для их исследования Институтом археологии АН УССР (ныне Институт археологии Национальной Академии наук Украины) были созданы крупные экспедиции, сотрудники которых, используя мощную землеройную технику, исследовали за полевой сезон сотни курганов.

Одна из таких экспедиций была организована для раскопок курганов в зоне строительства Северо-Рогачикской оросительной системы на юге Запорожской области. В 1969 г. экспедиция, которой руководил В.И. Бидзиля, приступила к исследованиям одного из самых высоких в этом районе курганов – 8-метровой Гаймановой Могилы. Довольно быстро была снята одна половина насыпи, что позволило проследить ее строение и выявить контуры двух входных ям. Однако выемка их заполнения, которое состояло из грунта и больших каменных глыб, застопорилась примерно на глубине 4 м. Находиться в ямах становилось все опаснее, а вынимать их заполнение вручную с помощью ведер и веревок – все труднее.

Помог приезд А.И. Тереножкина. Используя свой опыт, он рекомендовал использовать для выемки заполнения легкие электролебедки (“Пионер”) и организовать крепление катакомб. Задача облегчалась тем, что неподалеку – в г. Днепрорудный, находился Запорожский железорудный комбинат, руководство которого оказало помощь оборудованием и материалами, а также выделило для крепления и проходки катакомб группу шахтеров в составе М. Коваленко и Р. Скибинского, которых до сих пор с благодарностью вспоминают сотрудники Института старшего поколения.

Все эти мероприятия, которые стали впоследствии обычной нормой при организации раскопок больших скифских курганов, позволили в 1969-1970 гг. исследовать Гайманову Могилу полностью. Обнаруженную в ней серебряную чашу с рельефными изображениями знатных скифов многие журналисты окрестили “находкой века”. Однако этот “титул” сохранялся за ней очень недолго.

В 1971 г. он “перешел” к знаменитой золотой пекторали, найденной в раскопанном под руководством Б.Н. Мозолевского на окраине г. Орджоникидзе (ныне г. По-

кров) Днепропетровской области кургане Толстая Могила. Раскопки этого кургана прошли быстро и без видимых трудностей. Этому, кроме несомненного организационного дара Б.Н. Мозолевого, безусловно, способствовал опыт, приобретенный им в результате непосредственного и активного участия в исследованиях Гаймановой Могилы. Очень важно, что результаты раскопок Толстой Могилы были быстро, учитывая большую численность найденных тут вещей, опубликованы в фундаментальной монографии Б.Н. Мозолевого (1979). Поскольку для интерпретации материалов Толстой Могилы он привлек самый широкий круг аналогий, труд Б.Н. Мозолевого стал не только публикацией отдельного памятника, но и работой, в определенной степени удовлетворившей назревшую необходимость в обобщении данных о курганах скифской знати на современном, по сравнению с многолетней давности сводкой М.И. Ростовцева, научном уровне.

Отчасти эта же цель была достигнута и в вышедшей в том же году двухтомной монографии Р. Ролле (Rolle 1979), посвященной погребальному обряду степных скифов.

Все эти события вызвали новый всплеск интереса к “царским” курганам скифов. Одним из его проявлений стали работы по окончательному полевому исследованию не раскопанных полностью в XIX и начале XX вв. скифских “пирамид”. Первую из таких попыток предпринял А.М. Лесков в 1972 г. в отношении кургана Огуз. Но по ряду причин полностью завершить эти исследования, принесшие немало новых находок, удалось лишь в 1979-1981 гг. под руководством Ю.В. Болтрика.

Постепенно вызревала мысль и о повторных раскопках Чертомлыка, значительная часть которого оставалась нетронутой. Она начала осуществляться в 1981 г. силами экспедиции, начальником которой был Б.Н. Мозолевский, а одним из сотрудников – Р. Ролле. После некоторого перерыва исследования, которыми руководили теперь В.Ю. Мурзин и Р. Ролле, продолжились на протяжении 1983-1986 гг. Их результаты, вместе с материалами раскопок И.Е. Забелина, были обобщены в специальной монографии на русском и немецких языках (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; Rolle, Murzin, Alekseev 1998).

Усиление интереса к погребальным памятникам высшей скифской знати имело еще одно последствие. Несмотря на всю значимость для реконструкции древней истории материалов “царских” курганов скифов, ввод их в научный оборот значительно отставал от полевых исследований. В какой-то степени за последние годы этот пробел удалось сократить, поскольку вышла целая серия монографий, посвященных публикации этих памятников. Среди них – раскопанные на землях Южной Украины курганы Краснокутский (Мелюкова 1981), Солоха (Манцевич 1987), Мелитопольский (Тереножкин, Мозолевский 1988), а также располагавшиеся восточнее – в Прикубанье, Курджипский и Келермесские курганы (Галанина 1980; 1997).

На фоне этих событий, возможно, будет легче понять, отчего так непросто складывались раскопки Бердянского кургана и готовилась публикация его материалов.

Этот курган, который был известен у обитавших тут некогда ногайцев как Мизарли-Тубе, располагался на южной окраине с. Нововасильевка Бердянского райо-

на Запорожской области. Он был сооружен на высоком мысу правого берега р. Берда (которой обязан своим вторым и более известным в науке именем), примерно в 9-10 км от места ее впадения в Азовское море. Его высота, по данным старых топографических карт, изданных накануне Второй мировой войны, составляла почти 8,5 м.

Обращаясь к истории исследования Бердянского кургана, еще раз ловишь себя на мысли, что и по отношению к археологическим памятникам вполне применимы некоторые расхожие журналистские штампы. Во всяком случае, не будет большим преувеличением отнести Бердянский курган к числу памятников “с трудной судьбой”.

Первая попытка раскопать памятник была начата 6 июля 1971 г. Легко заметить, что это произошло практически сразу же после сенсационной находки золотой пекторали в кургане Толстая Могила. Тот тиражированный на страницах десятков газет и журналов ажиотаж, вызванный этим событием, вероятно и подтолкнул бердянского краеведа А.Я. Огульчанского предпринять раскопки большого скифского кургана. Хотя А.Я. Огульчанский не был профессиональным археологом и не имел опыта подобных исследований, он был в Бердянске достаточно известным и авторитетным человеком. Этому в немалой степени способствовали его небольшие археологические изыскания на территории Бердянского района, заметки, опубликованные им в археологических изданиях, а также популярные брошюры о родном крае и художественные произведения для детей на историческую тематику (см., например: Огульчанский 1955; 1973; Огульчанский, 1960). Безусловно, слава знатока истории и писателя помогла ему заручиться поддержкой тогдашнего руководства города и местного краеведческого музея, которое, вероятно, тоже было не прочь открыть “свой золотой курган”.

Надо справедливости ради отметить, что в выборе “кандидата” на эту роль прекрасно знавший окрестности своего города А.Я. Огульчанский, как показали дальнейшие события, не ошибся. В качестве такового и был выбран курган на окраине с. Нововасильевка. Его ближайшими помощниками (Папанова, Голик, Калиниченко 2016, с. 73-74) стали сотрудники Бердянского музея А.Н. Калиниченко (выпускник исторического факультета Симферопольского университета) и Т.С. Мищенко (выпускница физико-математического факультета Бердянского Государственного пединститута).

Трудно судить, были ли выделены специальные средства на проведение этих раскопок и существовала ли их смета – скорее всего, раскопки предполагалось вести так называемым “хозяйственным способом”, т.е. за счет безвозмездной помощи местных предприятий. Как бы там ни было, бульдозер на курган пришел, что позволило приступить к снятию курганной насыпи. Полевой дневник при этом регулярно не велся (если не считать за таковой отрывочные заметки Г.С. Мищенко), какие-либо чертежи и фотографии отсутствуют.

Во всяком случае, сотрудник ИА АН УССР В.В. Отрощенко, который посетил Бердянский краеведческий музей вскоре после бесславного окончания Бердянской

курганной эпопеи, констатировал (Папанова, Голик, Калиниченко 2016, с. 75): “Ни один из сотрудников, руководивших раскопками, не знаком с современной методикой раскопок курганов. Работа велась от случая к случаю, из-за нехватки техники и рабочей силы... Рисунки и записи в дневнике (вела Т.С. Мищенко) не позволяют воссоздать строение насыпи кургана в целом...”

В нашем распоряжении есть ксерокопия записей Т.С. Мищенко, которая позволяет полностью согласиться с выводами В.В. Отрощенко.

Судя по ее заметкам, верхняя часть кургана – примерно до уровня 4 м. от вершины, была снята полностью. Нулевой репер зафиксирован не был, контрольные бровки отсутствовали. Ниже этого уровня стали пробивать лишь одну траншею, проложенную через центр кургана и ориентированную по линии север-юг. Ее ширина составляла около 15 м. Однако вскоре траншея превратилась в продолговатый котлован с покатою выемкой посередине. Отвалы земли выталкивались с помощью бульдозера в северную часть траншеи.

Действуя таким способом, раскопщики (назвать их “исследователями” весьма проблематично) все же смогли достичь в центре кургана уровня древней поверхности. Примерно на этом уровне, под слоем камки и камней, было обнаружено захоронение двух коней. При них находились различные детали узды скифского времени, в том числе четыре комплекта железных удиц с бронзовыми С-овидными двухдырчатыми псалиями, четыре бронзовых налобника в виде протомы ушастого зверя (“четыре подобных до зайчиков зверьков” как значится в записях Г.С. Мищенко), восемь экземпляров бронзовых зооморфных нащечников, четыре бронзовых подпружные пряжки, шестнадцать бронзовых круглых блях с петлей на обороте, бронзовые колокольчики и пр. (кат. 6-13). Судя по количеству удиц и псалиев, вместе с двумя конями было положено четыре комплекта узды.

В настоящее время детали этих уздечных наборов частично выставлены в одной из витрин Бердянского краеведческого музея. Однако в связи с техническим состоянием этой витрины открыть ее не представляется возможным. Поэтому фотографировать их пришлось через витринное стекло, естественно без масштаба (Рис. 2-5).

В принципе, такой набор деталей узды достаточно характерен для IV в. до н.э. Чтобы не перечислять все находки подобных конских принадлежностей, сошлемся лишь на похожие детали узды, обнаруженные в конской могиле, связанной со впускным погребением в кургане Солоха – нащечники в виде лапы хищника, наносники в виде головы ушастого грифона, бронзовые С-овидный псалии и др. (Манцевич 1987, кат 91, 106, 118).

Несмотря на всю привлекательность этой находки, раскопки все же были остановлены. А.Я. Огульчанскому, вероятно, стало ясно, что для их завершения предстоит еще проделать огромную работу. Ни средствами для ее продолжения, ни навыками ее организации он не обладал. К тому же заканчивались последние дни лета, что делало дальнейшие “исследования” еще более затруднительными.

Тем не менее, известие об их результатах достигло украинского Института ар-

хеологии. Как уже упоминалось ранее, для осмотра кургана и предотвращения дальнейших любительских раскопок в Бердянск был командирован сотрудник Института В.В. Отрощенко, который и прибыл туда 30 декабря 1971 г. Несмотря на новогодние праздники, ему удалось выехать на курган, сделать зарисовки находок и выписки из “дневника” Г.С. Мищенко. После этого интерес к Бердянскому кургану на какое-то время утих.

Тому были две основные причины. Во-первых, для его научного исследования не было необходимых средств. Во-вторых, подавляющее большинство сотрудников Института было занято по несколько месяцев в году работой в “новостроечных” экспедициях на трассах будущих оросительных систем. Специалистов не хватало и их распределение по экспедициям, осложняемое различными ухищрениями начальников последних, доставляло в начале полевого сезона немало забот дирекции Института.

Выход из положения был найден благодаря настойчивости начальника Запорожской экспедиции В.И. Бидзили. Он несколько лет планировал раскопки памятника и, наконец, весной 1977 г. решился пойти на это. Из тех достаточно больших средств, которые получала экспедиция на раскопки курганов от мелиораторов, он сумел “выкроить” определенную сумму, что позволило создать в рамках экспедиции отдельный Приазовский отряд во главе с Н.Н. Чередниченко. Основной целью отряда было полное исследование Бердянского кургана. К тому времени он был разрушен еще сильнее. Вначале для парников местного совхоза были вывезены отвалы земли, образовавшиеся во время работ А.Я. Огульчанского, а затем и грунт из северной “полы” насыпи. В результате насыпь приобрела вид широкой подковы, обращенной своей вершиной на юг.

К месту будущих работ сотрудники отряда, в том числе и один из авторов настоящей публикации – В.Ю. Мурзин, отправились в середине июля (подробнее о работе этой экспедиции см.: Мурзин 2013, с. 85-106). Однако начало оказалось неудачным. Серьезно поломался выделенный автобазой АН Украины старенький грузовик, возникли трудности с арендой бульдозера. Не очень помог и приезд В.И. Бидзили, который славился умением решать подобные вопросы. Однако выручил случай.

Чтобы не терять времени даром, было решено разметить останцы насыпи. Во время трассировки будущей контрольной бровки, намечая ее направление неглубокой канавкой, один из сотрудников нашел в центре кургана большую прямоугольную золотую бляшку с прекрасным рельефным изображением крылатого грифона. Эта находка произвела должное впечатление в нужных кругах и во многом решила наболевшие вопросы.

Вскоре в распоряжении экспедиции оказался бульдозер, что позволило заложить по направлению с севера на юг пять траншей, между которыми было оставлено пять контрольных бровок.

К сожалению, бульдозер оказался маломощным (ДТ-75), что сказывалось на темпе работы. Замедлялся этот темп и наличием в насыпи и на периферии кургана

большого количеством более поздних и не содержащих, как правило, инвентаря погребений, которые были определены как позднесредневековые, предположительно – ногайские. Всего таких погребений было выявлено 68, расчистка и фиксация которых заняла немало времени.

Но все же насыпь была снята, а под ней выявлены контуры трех входных ям. Две из них – названные Центральной и Южной могилами, находились в центре, а третья – Восточная могила, располагалась на периферии кургана.

Начавшаяся выемка заполнения из Центральной могила (Рис. 6), которая происходила вполне традиционным способом – с помощью лопат и ведер, почти сразу же натолкнулась на серьезные трудности. Поэтому для помощи в исследовании кургана была приглашена группа горняков из г. Днепрорудного во главе с участвовавшими ранее в раскопках Гаймановой Могила М. Коваленко и Р. Скибинским (Рис. 7, 8). Выпавшая на их долю задача, как оказалось, была весьма непростой. Катакомбы Бердянского кургана были выкопаны в каолиновых глинах, которые залежали наклонными пластами. Это сказывалось на устойчивости свода погребальных камер и стенок входных ям.

Достаточно сказать, что лишь входную яму Центральной могилы, глубина которой оказалась рекордной – 12,5 м от поверхности, пришлось крепить трижды. Первое крепление, как и обычно, было устроено из “кругляка” хвойных пород древесины, соединенных в прямоугольные венцы с помощью зарубок и железных скоб. Эти венцы были установлены по всей глубине ямы через каждые 1,5 м. В пространство между ними и стенами были заложены доски (надо сказать – немногочисленные, что объяснялось дефицитом лесоматериалов в этих южных краях), которые должны были предохранять от падения отдельных глыб грунта. Однако такое, не раз проверенное на других курганах крепление, продержалось недолго – оно было смято, а яма частично засыпана. К счастью, это случилось ночью и пострадавших не было.

После этого М. Коваленко и Р. Скибинский, без опыта и мастерства которых Бердянский курган едва ли был бы вообще раскопан, предложили использовать вместо бревен стальной профиль. На одном из предприятий Бердянска по заданной горняками мерке был нарезан двутавровый в сечении швеллер шириною 20 см. На концы каждого отрезка были приварены стальные “косынки”, которые накладывались друг на друга и скреплялись толстыми болтами. Полученные прямоугольные конструкции были установлены уже через каждый метр по всей глубине ямы, а пространство за ними было практически полностью “забрано” досками (Рис. 9). Однако и эти меры не помогли – однажды – и снова ночью, случился очередной обвал. Яма была снова частично засыпана, а мощные стальные швеллеры были согнуты и скручены.

Это вызвало некоторую растерянность даже у опытных шахтеров. После долгих раздумий они предложили использовать для крепления стенок ямы готовые металлические арочные конструкции, применяющиеся на шахтах для крепления горизонтальных выработок. Каждая из таких арок состояла из трех отдельных звеньев,

выполненных из П-образного стального профиля. Благодаря небольшой разнице в ширине центральная часть конструкции – собственно арка, и две боковые – ее “ножки”, свободно двигались относительно друг друга. Этим достигалась необходимая конфигурация и высота арки, которые фиксировались специальными хомутами. По остроумному замыслу М. Коваленко и Р. Скибинского, из каждой пары таких арок (т.е. шести элементов) надлежало собрать металлические конструкции чуть вытянутой овальной формы, несомненно более устойчивой к нагрузкам, чем прямоугольная.

Определенное время ушло на поиски и доставку необходимых материалов. Надо сказать, что к этому времени отдельный отряд не только превратился в самостоятельную экспедицию, финансируемую по линии Академии наук Украины, но и нашел реальную поддержку со стороны областных властей – в частности, одного из руководителей Запорожской области того периода В.И. Воловика, администрации Бердянска, дирекции Запорожского железорудного комбината. В результате их помощи были приобретены арочные крепления и около 150 м. куб. различных лесоматериалов, а также многие другие необходимые для работы вещи – различные кабели, бухты проволоки, тросы и т.д. В результате идея горняков была с успехом реализована, а входная яма Центральной могилы стала напоминать огромную бочку с мощными, но установленными – в отличие от бочки внутри – “обручами” (Рис. 10).

Мы остановились на этой технической стороне исследований Бердянского кургана так подробно по нескольким причинам. Во-первых, мы полагаем, что эти подробности представляют определенный интерес для истории исследования курганов скифской знати. Во-вторых, мы не исключаем, что наш опыт будет полезен коллегам. Наконец, мы надеемся, что даже такое краткое перечисление тех усилий, средств и материалов, которые необходимы для раскопок большого скифского кургана, удержит от ненужной авантюры людей малоподготовленных и неопытных.

Но вернемся к нашей основной теме. Надежное крепление обеспечило спокойную работу, что позволило начать расчистку камеры Центральной могилы. Там были выявлены многочисленные и интересные вещи, в том числе изготовленные из золота.

Однако наступила уже поздняя осень, по ночам отмечались первые заморозки. Необходимо было определиться с ходом дальнейших исследований. Здравый смысл подсказывал отложить продолжение раскопок до следующего полевого сезона. Однако аргументы против такого решения были достаточно серьезны. В отсутствие экспедиции трудно было обезопасить курган, известие о золотых находках в котором уже разошлось достаточно широко, от нежелательных визитеров. Осенью и весной во входных ямах, пусть даже частично засыпанных, все равно неизбежно скопились бы дождевые и талые воды. Это могло привести к полному разрушению входных ям и камер. Кроме того, работавшие в экспедиции шахтеры считали, что зимние, пусть и незначительные для этих мест холода, приведут к естественному замораживанию грунта, что увеличит стойкость катакомб к обвалу.

Все эти соображения вынудили сотрудников экспедиции, которую в Институте в шутку стали называть “полярной”, продолжить свою работу.

Такое решение породило целую массу организационных, технических и бытовых проблем, решение которых давалось порой с большим трудом. Тем не менее, в конце июня 1978 г., т.е. через год после их начала, исследования Бердянского кургана успешно завершились. В этой связи хотелось бы с благодарностью упомянуть основных сотрудников этой необычной и сложной экспедиции. Среди них, кроме Н.Н.Чередниченко и одного из авторов данной публикации, на разных этапах это были сотрудники Института археологии В.П. Белозер, Е.Е.Фиалко, Ю.В. Болтрик, Я.П. Гершкович, В.М. Зубарь, Н.В. Ковалев, В.Н. Погорельый, И.Н. Черникова, Л.В. Черных и многие другие.

Несмотря на прекрасные результаты, которые принесли раскопки Бердянского кургана, его материалы длительное время оставались практически неизвестны широкому кругу специалистов. Судя по всему, Н.Н. Чередниченко не считал целесообразным издавать этот комплекс по частям в виде отдельных статей, а предполагал со временем самостоятельно подготовить его полную монографическую публикацию.

Однако не все оказалось так просто. Научная обработка подобных материалов всегда представляет собой весьма трудоемкий и длительный процесс. Для Н.Н. Чередниченко он был тем более сложен – его научные интересы, находились, прежде всего, в области археологии позднего бронзового века и были связаны со скифоведением весьма слабо. Свою негативную роль сыграла и длительная болезнь Н.Н. Чередниченко. Может быть поэтому, он постепенно стал привлекать к работе некоторых бывших сотрудников Приазовской экспедиции, в соавторстве с которыми было подготовлено несколько предварительных публикаций памятника (Чередниченко, Фиалко 1988; Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1996; Чередниченко, Мурзин 1996).

Несмотря на их обзорный характер, они все же сыграли свою положительную роль и позволили ввести в научный оборот наиболее яркие из бердянских находок, сделав их более доступными для исследователей. Примером этому может послужить целая серия работ А.Ю. Алексеева (прежде всего: Алексеев 1992), в которых материалы Бердянского кургана были учтены при разработке предложенной им относительной и абсолютной хронологической шкалы погребений высшей скифской аристократии.

После смерти Н.Н. Чередниченко, последовавшей в январе 1993 г., основная задача по монографическому изданию всего комплекса Бердянского кургана оставалась так и не решенной. Возникшие трудности были вполне понятны. Едва ли необходимо объяснять, как непросто готовить публикацию памятника через 40 лет после его раскопок, даже если ты был их участником. За это время стерлись из памяти многие важные детали и непосредственные наблюдения. К тому же научный отчет об исследованиях Бердянского кургана (Чередниченко 1981) также был подготовлен и сдан в архив Института отнюдь не по “свежим следам”. Его текстовая часть состав-

ляет 41 страницу и содержит ряд неточностей или умолчаний. Отсутствует в архиве и часть полевых чертежей, которые, вероятно, находились у Н.Н. Чередниченко во время его работы над материалами кургана и были утрачены после его смерти. Немаловажно также, что вещи из Бердянского кургана хранятся в трех различных учреждениях. Находки Ф.Я. Огульчанского – в Бердянском краеведческом музее, часть коллекции – в фондах Института археологии Национальной АН Украины, изделия из золота и другие неординарные вещи – в Музее исторических драгоценностей Украины.

В 90-е гг. XX в. участники экспедиции, исследовавшие Бердянский курган – В.Ю. Мурзин (в ту пору зав. Отделом скифо-сарматской археологии ИА НАНУ) и Е.Е. Фиалко (научный сотрудник того же Отдела ИА НАНУ) утвердили в качестве плановой темы подготовку монографии, посвященной Бердянскому кургану. В качестве приложения, каталог находок из этого памятника был подготовлен сотрудником Музея исторических драгоценностей Украины Е.П. Подвысоцкой. Таким образом, поставленная задача была, в основном, выполнена.

Дело оставалось, казалось бы, за малым – произвести качественную фотосъемку находок из Бердянского кургана и сдать рукопись в печать. Однако, учитывая наступившие нелегкие времена, на этом пути возникли значительные сложности. Фотолаборатория Института археологии практически не работала, а издательство Академии наук Украины – “Наукова думка”, также практически прекратила свое существование. В поисках выхода В.Ю. Мурзин даже обратился в Дирекцию Бердянского морского порта, который оставался вполне рентабельным предприятием, с просьбой помочь в финансировании издания, а затем использовать изданную с обширным английским резюме книгу в качестве рекламной продукции порта. Однако и здесь данная идея не нашла должной поддержки.

Поэтому публикация материалов кургана была отложена в “долгий ящик”.

В настоящее время ситуация в значительной степени изменилась, в частности благодаря издательской деятельности О.В. Филюка, в творческом активе которого уже немало археологической литературы, увидевшей свет благодаря его усилиям.

В связи с этим в последнее время В.Ю. Мурзин неоднократно обращался к Е.Е. Фиалко с предложением довести до ума совместный проект. Однако под различными предлогами от дальнейшей совместной работы она неизменно отказывалась.

Между тем, ситуация с исходными материалами для публикации Бердянского кургана еще более ухудшилась. Во-первых, из Научного архива Института археологии полностью исчез Отчет о его раскопках. В личном архиве В.Ю. Мурзина сохранилась лишь ксерокопия текстовой части Отчета, однако копии чертежей и полевые фотографии отсутствуют (кроме нескольких фотографий в личном архиве В.Ю. Мурзина).

По этой причине за основу пришлось взять чертежи, опубликованные в ряде работ посвященных Бердянскому кургану (прежде всего см.: Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994; Мурзин, Фиалко 1998а), которые обработал и исполнил А.А. Онищенко.

Исчезли из Научных фондов Института и некоторые небольшие по размеру находки из Бердянского кургана – как выяснилось, они были взяты неким лицом “для дополнительного изучения”.

Однако тянуть более с публикацией этого замечательного памятника скифской культуры (с момента начала его исследования минуло уже четыре десятилетия) не представляется возможным. Поэтому было решено опубликовать доступные материалы коллективом авторов в составе В.Ю. Мурзина и сотрудников Музея исторических драгоценностей Ю.А. Белана и Е.П. Подвысоцкой в хотя бы урезанном виде. Мы понимаем всю ущербность этой идеи, однако, как известно, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Во всяком случае, мы надеемся, что даже такая “неполноценная” публикация принесет пользу нашим коллегам-скифоведам.

Авторы выражают свою признательность фотографу Музея исторических драгоценностей Украины Д.В. Клочко, который выполнил для каталога находок фотографии вещей, хранящихся в этом Музее.

Глава I.

Стратиграфия и планировка курганной насыпи.

Порядок строительства кургана и его первоначальный облик

Поскольку насыпь кургана в результате любительских раскопок А.Я. Огульчанского была в немалой степени разрушена, а местами и снесена вовсе, стратиграфические наблюдения относительно ее строения и конструктивных особенностей были в значительной мере затруднены и оказались неполными. В принципе, достаточно достоверную картину можно восстановить лишь для нижней части насыпи, поскольку высота б оставленных во время доисследования кургана в 1977-1978 гг. бровок, ориентированных по линии С – Ю, в центре не превышала 1,2 м. Наиболее информативными оказались восточный профиль центральной бровки, а также восточный и западный профили бровки № 2 (Рис. 11, 1). В результате изучения профилей, а также горизонтальных зачисток, удалось проследить структуру самой насыпи и отдельных ее составляющих – каменной “крепиды”, выкида, каменной вымостки в центре, так называемой “погребальной дорожки” и других конструктивных деталей. В кургане также открыто три одновременных погребальных сооружения катакомбного типа – могилы Центральная, Южная и расположенная на периферии Восточная. Все они представляют собой единый и единовременный комплекс (Рис. 12).

Об этом свидетельствует материковый выкид из них, прослеженный на уровне погребенного чернозема (Мурзин, Фіалко 1988а, с. 88), а это означает, что катакомбы Бердянского кургана могут рассматриваться как некий эквивалент многокамерным гробницам Чертомлыка, Козла, Цымбалки, Солохи и др.

Впрочем, Ю.В. Болтрик (Болтрик, 2000) склонен считать, что и под насыпями и других средних по размерам курганов скифской аристократии, в частности, под насыпью Гаймановой Могилы, нет впускных погребений, а все они являются основными, т.е. они подобны Бердянскому кургану. Но такому предположению противоречит, в частности, четко зафиксированная очередность погребений на той же Гаймановой Могиле (Бидзиля, Полин 2012, с. 57, рис. 41).

Структура насыпи. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, воспринявшими идею М.П. Грязнова (1961) о необходимости рассматривать древние курганные насыпи как сложное архитектурное сооружение, “шапки” скифских курганов никоим образом не были холмами бессистемно насыпанного грунта, а строились – в буквальном смысле этого слова – из различных материалов. Поэтому было бы точнее использовать в их отношении термин “надмогильное сооружение”. Однако, поскольку определение “насыпь” давно уже стало привычным, мы и далее будем употреблять этот термин, еще раз подчеркнув всю его условность.

Основным материалом, использовавшимся для возведения насыпи Бердянского

кургана, были пластины дерна. Наиболее четко они были зафиксированы в западном разрезе центральной бровки. В южной ее части, под “крепидой”, такие пластины буквально выпадали из бровки во время работы бульдозера. Дернины имели прямоугольную форму и размер около 27-30 x 15-20 см при толщине около 10-15 см. Какой-то определенной системы в их кладке прослежено не было. Зафиксировано лишь, что пластины были уложены горизонтально.

Использование плиток дерна при сооружении курганных насыпей было широко распространено в древности. Истоки этой традиции прослеживаются еще с эпохи энеолита и бронзы (см., например: Писларий и др. 1978; Евдокимов 1981; Отрощенко 1981, с.13).

Если ограничиться лишь скифской эпохой, то кладка из плиток дерна, впервые зафиксированная еще в самом конце прошлого века И.В. Спицыным (Спицын 1901, с.72-73) при раскопках кургана Башмачка, была обнаружена затем практически во всех более или менее значительных скифских курганах – например, Чертомлыке, Гаймановой и Вишневой Могилах, Желтокаменке и т.д. Безусловно, из этого же материала были сооружены и насыпи многих других, если не всех, скифских курганов, описанных их исследователями как “черноземные”.

Такая ошибка вполне понятна – вследствие фильтрации через насыпь дождевых и талых вод плитки дерна постепенно размывались и структура насыпи становилась более однородной. Этот процесс достаточно хорошо прослеживается в стратиграфических разрезах насыпей больших скифских курганов, где благодаря размерам последних, он не достиг своего окончательного завершения. Например, в бровках девятиметрового кургана Желтокаменка плитки дерна были зафиксированы лишь в нижней части насыпи, тогда как в верхней ее части они уже были полностью смыты и выглядели как сплошной слой чернозема (Мозолевский 1982, с.182).

Поскольку в последние десятилетия раскопки курганов высшей скифской аристократии, в насыпях которых плитки фиксируются наиболее четко, отличались особой активностью, эта деталь “курганной” архитектуры начали связывать прежде всего с ними. Так, С.А. Скорый, выделяя погребальные памятники собственно скифов из общей массы одновременных погребений Днепровского лесостепного Правобережья, признал использование плиток дерна особенностью именно скифской погребальной традиции (Скорый 1996, с.33-34).

Нам представляется, что этот вывод чересчур однозначен, поскольку такая “строительная техника” применялась не только на территории Степной Скифии, но и при возведении надмогильных сооружений эпохи раннего железа в других регионах Евразии, в частности на территории Северного Казахстана и Южной Сибири (Мартынов 1979, с. 35; Зданович, Иванов, Хабдулина 1984, с.44; Курочкин 1988, с.11; Бейсенов 2015, с. 22-23).

Выяснилось также, что и в лесостепных районах Украины этот обычай прослеживается, как считалось еще недавно, не только на материалах кургана Перепахтиха (Скорый 1990, с.22), но и на материалах других памятников – например, он выявлен во время раскопок Перещепинского курганного могильника неподалеку

от Бельского городища (Мурзин, Ролле, Скорый 1995, с. 66; Мурзин и др. 1997, с. 6). И это вполне понятно, ибо достаточно высокое надмогильное сооружение с крутыми склонами было трудно, если вообще возможно, построить из насыпного грунта. Иными словами, традицию возведения в Лесостепи в эпоху раннего железа курганных насыпей из дерна следует связывать не столько с самими скифами конкретно, сколько с общеевразийским степным влиянием, которое ощутимо в погребальной обрядности лесостепного населения еще с позднейшего предскифского времени.

Определенное представление о затратах труда, необходимых для постройки такой насыпи, дают расчеты немецких инженеров-строителей Е. Гауглицца, Г. и В. Егерей (Gauglitz, Jager, Jager 1998), основанные на результатах раскопок кургана Чертомлык. Согласно их данным, общий объем его насыпи составлял почти 90 тыс. м. куб., при этом почти 75 тыс. м. куб. приходилось на ее часть, сложенную из пластин дерна. Чтобы заготовить такое количество пластин, необходимо было снять дерн на площади более 37 га. Поскольку объем насыпи Бердянского кургана составлял около трети объема насыпи Чертомлыка, то для возведения первой дерн был снят на площади не менее 10-15 га. Если учесть, что плитки дерна в курганных насыпях были в определенном смысле частью компактно “скатанного” участка пастбища, а, следовательно, частью погребального инвентаря (Rolle 1979, s. 42; Мурзин, Ролле 1989, с. 93), можно предположить, что соотношение указанных параметров (приблизительно 1 к 0,33) также реально отражают социальный статус лиц, погребенных в упомянутых выше курганах.

Некоторое время считалось, что дерн для строительства насыпей нарезался в поймах рек, на участках с болотистым грунтом (например: Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 19). Подобная мысль высказана и на страницах отчета о раскопках Бердянского кургана, где указано, что плитки дерна, вероятно, доставлялись из поймы р. Берда (Чередниченко 1981, с. 10).

Прояснить этот вопрос могли бы специальные исследования почвоведов и палеоботаников, но изучались в этом плане лишь образцы насыпи Чертомлыка. Их анализы показали, что пластины дерна для возведения последней были добыты не в пойме протекавшей неподалеку речки, давшей свое название самому кургану, а непосредственно на подкурганной поверхности и рядом с ней (Кламм, Фиброк, Мейер 1991, с. 305-306). Поскольку другими обоснованными наблюдениями мы не располагаем, остается допускать, что и строительство насыпи Бердянского кургана было организовано таким же образом.

Кроме пластин дерна, при сооружении насыпи Бердянского кургана были использованы также и другие материалы, в частности камень и камка. Об этом свидетельствует короткая запись в “дневнике” Г.С. Мищенко от 15 июля, согласно которой по всей площади насыпи присутствовал завал камней толщиной до 1,5 м, в сечении подобный “чаше из камня” – т.е. вогнутый в центре. К сожалению, глубина этого завала от вершины насыпи неизвестна. Принимая во внимание, что “раскопки” начались 6 июля, можно допустить, что этот завал находился в верхней части насыпи.

Выкид из Центральной и Восточной могил, которые были составными частями единого погребального комплекса, охватывал по верху их входные ямы большим полукольцом глинистого грунта. Внешний диаметр выкида составлял около 30 м, ширина достигала 12 м (Рис. 11). Вершина выкида оказалась срезанной раскопом А.Ю. Огульчанского, поэтому он сохранился в высоту лишь на 1,6-1,7 м.

Стратиграфические разрезы, которые прошли через центр кургана (Рис. 12, 1), достаточно четко показывают, что внешний край выкида местами лежит не на древней поверхности, а на кладке из плиток дерна, из которых состоит основная часть насыпи. Это свидетельствует – сооружение насыпи и рытье катакомб, как это прослежено и на материалах других скифских курганов, начиная с раскопанного в 1860 г. Краснокутского (ДГС 1872, с. 50-51), происходило одновременно. Естественно, в этом случае строители кургана должны были иметь довольно точное представление о конечных размерах строившихся катакомб и об объеме грунта, который предстояло вынуть. Только тогда они могли “зарезервировать” достаточно места, необходимого для размещения выкида. Это еще раз не только демонстрирует высокую квалификацию древних архитекторов курганов, но и дает основания полагать, что непосредственно строительству предшествовало создание какого-то “проекта” будущего сооружения.

В частности этот вопрос был достаточно серьезно затронут В. Херцем. По его мнению (Херц 1991, с. 320-323), пропорции скифских катакомб были кратны длине скифского копья (212-214 см).

Такая длина скифских копий неоднократно была зафиксирована в ходе археологических исследований. Это может свидетельствовать, что при разметке катакомб в качестве меры длины использовались копья. При этом нельзя не обратить внимания на то, что старая мера длины – косая сажень (213,36 см) практически соответствует длине скифского копья. Возникает достаточно любопытный вопрос – а не пошла ли эта самая сажень с тех незапамятных времен, когда длину измеряли копьями?

О предварительной разметке подкурганной поверхности с контурами различных частей погребального комплекса, в том числе контурами Центральной и Южной могил, может подтверждаться и тем, что на Бердянском кургане, как и на большинстве других скифских курганов, внутри окружности выкида оказываются не только входные ямы, но и подземные части катакомб – погребальные камеры.

Вероятно, высокая дуга выкида вместе с кладкой насыпи, которая начинала расти от центра, представлялась строителями кургана своеобразной оградой, которая отделяла и “защищала” погребальные сооружения от внешнего мира. Судя по всему, в ритуальной практике скифов выкиды играли примерно ту же магическую роль, что и кольцевые кромлехи – под насыпями некоторых скифских курганов их выявлено даже по два (Толстая Могила, курган № 13 у с.Золотая Балка на Херсонщине) или три (Двугорбая Могила) и кольцевые ровики.

Каменная вымостка (Рис. 13) прямоугольной формы, зафиксированная в центре подкурганной поверхности – вокруг и над входными ямами Центральной и Юж-

ной могил, имела размеры около 20 x 16 м. Западная ее половина была частично разрушена раскопом А.Я. Огульчанского, лучше сохранилась восточная. В центре вымостки гранитные камни были уложены в 1-2 слоя, а по краям, где ее толщина достигала 0,6-0,7 м, камни лежали 3-4 слоями.

Основание вымостки покоилось, в основном, на древнем черноземе, но местами, и на тонких прослойках глинистого выкида. Последний, в свою очередь, частично перекрывал края вымостки, особенно восточный. Это дает основание утверждать, что одновременно сооружались не только Центральная и Южная катакомбы и насыпь кургана, но и вымостка вокруг входных ям.

Входные ямы последних после похорон были также забиты камнем до уровня вымостки. В результате образовалась сплошная каменная площадка. Над нею, как свидетельствует запись Г.С. Мищенко от 16 августа 1971 г., был прослежен толстый слой спрессованной морской травы – камки.

На первый взгляд описанная выше вымостка представляется чуть ли не уникальной. Однако схожая вымостка обнаружена и в кургане Тащенак неподалеку от г. Мелитополь (Болтрик 1990).

Необходимо вспомнить также настилы из камыша, зафиксированные в исследованных в Запорожской области курганах Казенная (размеры – 20 x 20 м) и Гайманова Могилы (Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 152-153; Бідзіля 1971, с. 45).

Хотя в двух последних случаях применялся другой материал, чем при возведении Бердянского кургана, совершенно ясно, что и каменные вымостки, и камышовые настилы несли одинаковую смысловую нагрузку.

Нам представляется, что такие вымостки и настилы над скифскими катакомбами IV в. до н.э. имитируют, утратив свое первоначальное практическое значение, разнообразные перекрытия над простыми могильными ямами более раннего периода. В этом случае они представляют собой еще одно звено, связующее погребальные традиции, характерные для разных периодов развития скифской культуры.

Так, например, в памятниках V в. до н.э., т.е. непосредственно предшествующих Бердянскому кургану, такие перекрытия чаще всего сооружались из деревянных плах. Однако известны и перекрытия из камыша (Ольховский 1991, с.66). Иногда на деревянный настил укладывались камни. Так, в кургане № 1 у с. Новогригорьевка под Запорожьем над ямой прослежена каменная вымостка мощностью до 1 м, а в кургане Острая Могила в Приазовье камни от перекрытия были обнаружены в заполнении могильной ямы (Самоквасов 1908, с. 121; Яценко 1956, с. 160-162). Подобные каменные вымостки были зафиксированы также в курганах-кенотафах у с. Любимовка на Херсонщине и с. Ковалевка в Николаевской области, часто встречаются они и над скифскими погребениями Крыма (Лесков 1974, с. 62; Ковпаненко, Бунятян 1978, с. 62; Ольховский 1991, с. 81).

Погребальная дорожка (Рис. 12А, 12Б) шириной от 1,4 до 2,4 м, которая вела от входной ямы Центральной могилы в западном направлении, была прослежена на протяжении, примерно, 14-15 м. С двух сторон она была окаймлена гранитными камнями. Пространство между этими своеобразными “бордюрами” было устлано

вначале ветками, а затем камкой. Поскольку только по этой дорожке можно было пройти между строящейся и постоянно растущей в высоту насыпью, она быстро затаптывалась и неоднократно подновлялась с помощью все той же камки. Это хорошо видно в разрезе дорожки, где слои морских водорослей перемежаются с прослойками чернозема (Рис. 12Б).

Дорожки, подобные описанной, выявлены и некоторых других больших скифских курганах. Так, в Гаймановой Могиле она была выстелена из веток и камыша, а в Краснокутском кургане по сторонам дорожки зафиксированы два скопления деталей повозок, бронзовых наверший и других элементов погребального кортежа (Бідзіля 1971, с.45; Мелюкова 1981, с.9-10). Во всех этих случаях дорожки были прослежены лишь на подкурганной поверхности. Одним из немногих исключений является курган Чертомлык, где остатки мощенной камнем дороги для погребальной процессии были заметны еще в прошлом веке на протяжении, примерно, полутора верст (ДГС 1872, с. 77). Следы погребальных дорожек за пределами курганной насыпи прослеживались также в курганах у Близниц Томаковской и Слоновской (ДГС 1872, с. 77).

Каменная “крепида”. Скопления беспорядочно набросанных камней, охватывающие курганные насыпи в виде кольца, обнаружены в ходе раскопок многих больших скифских курганов. По данным Б.Н. Мозолевского (Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 153), из 40 курганов IV в. до н.э., высота которых составляла 4 или более метров, такие “крепиды” зафиксированы не менее чем в 70% памятников. В степном Приазовье, где находился Бердянский курган, “крепиды” обнаружены более, чем в четверти всех исследованных скифских курганов (Ольховский 1991, с. 121).

В большинстве случаев ширина таких каменных колец составляет от 5 до 8 м, толщина “крепиды” в центре – около 1 м. К краям – верхнему, который лежит на склоне насыпи, и нижнему, что опускается к древней поверхности, ее толщина постепенно уменьшается. Поэтому в поперечном разрезе форма такой “крепиды” напоминает неправильный треугольник или линзу.

“Крепида” Бердянского кургана в целом соответствует такому “усредненному” описанию. Внешний диаметр крепиды – 51 м. Ширина каменной наброски, которая начиналась на уровне древнего горизонта и поднималась по склону на высоту 2,5 м, составляла 8 м (Рис. 11, 12).

К сожалению, “крепида” была в значительной мере разрушена. Ее северная часть была почти полностью уничтожена работами А.Я. Огульчанского. Южные сектора тогда не пострадали, но при расчистке “крепиды” выяснилось, что и тут камни, из которых она состояла, на многих участках были разобраны. Вероятно, эти повреждения можно связывать с многочисленными средневековыми погребениями, которые, как мы уже упоминали, были выявлены в насыпи кургана и рядом с ним.

Относительно функционального назначения каменных “крепид” большинство исследователей единодушны. Они полагают, что эти конструкции предотвращали расползание насыпей (см., например: Бідзіля 1971, с. 45; Ольховский 1991, с. 74). Истоки такой убежденности нам непонятны, ибо достаточно очевидно, что поме-

шать расползанию насыпи, масса которой составляла тысячи или, нередко, десятки тысяч тонн, набросанные на ее подножие камни никак не могли.

Более того, при детальном рассмотрении стратиграфии курганов с такими “крепидами” выясняется, что они окружали даже не подножие первоначального надмогильного сооружения, а нижнюю часть уже “расплывшихся” насыпей. Об этом свидетельствуют такие соображения.

1. “Крепиды” перекрыты очень тонким слоем грунта, что возможно лишь в том случае, если они оказались на своем нынешнем месте уже после того, когда надмогильное сооружение приобрело ту устойчивую к внешним воздействиям форму земляного холма, которую мы и наблюдаем сегодня.

2. Под “крепидами” почти всех больших скифских курганов выявлены остатки тризны и иных, связанных с похоронами, ритуалов. Например, в кургане Гайманова Могила (Бідзіля 1971, с. 45; Бидзиля, Полин 2012, с. 64-75) древняя поверхность под “крепидой” была сплошь устлана большими обломками амфор (особенно под западной ее частью), уздечными и колчанными наборами, конскими черепами и костями животных. Амфорный бой и кости животных свидетельствуют, что в древности на месте “крепиды” были открытые площадки, где проходила тризна.

Уздечные и колчанные же наборы, найденные под “крепидой” Гаймановой Могилы, несколько напоминают ситуацию, зафиксированную в кургане Чертомлык, где вдоль внешней вертикальной каменной кольцевой стены были обнаружены кости коней и людей, а также детали конской узды. Возможно, подобные находки и в том, и в другом случае иллюстрируют известный рассказ Геродота (IV, 72), согласно которому через год после сооружения “царского” кургана скифы расставляли вокруг него своеобразную “стражу” из 50 умерщвленных воинов, посаженных на убитых коней (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 54).

Следы тризны в виде амфорного боя выявлены и под “крепидой” Бердянского кургана. Учитывая расстояние до них от центра кургана, можно восстановить примерный диаметр первоначального надмогильного сооружения Бердянского кургана. В данном случае он составлял около 45 м.

3. Иногда камни “крепиды” перекрывают или оказываются скатившимися в кольцевой ровик, который был вырыт вокруг надмогильного сооружения и являлся внешней границей всего погребального комплекса. Упомянем в этой связи лишь несколько случайно выбранных курганов из числа раскопанных на Днепропетровщине – курганы №№ 2 и 5 у с. Шолохово, курган № 1 у с. Марьянское (Волкобой и др. 1979, рис. 1,1; 5,1; Волкобой и др. 1980, рис. 1,1). Практически полностью был заполнен камнями “крепиды” кольцевой ровик кургана Двугорбая Могила в Приазовье (Привалова, Зарайская, Привалов 1982, с. 156, рис. 1). Количество подобных примеров можно было бы без труда увеличить.

Сказанное выше дает основание предположить, что возникновение колец из бессистемно набросанных камней вокруг курганных насыпей было следствием естественного разрушения конструкций первоначальных надмогильных сооружений (Мурзин 2016).

В данном случае мы не будем касаться так называемых “крепид” в виде вертикальных стен из регулярной каменной кладки, окружавших нижнюю часть надмогильного сооружения по периметру. На территории Степного Причерноморья наиболее изучена такая стена в кургане Чертомлык, где она достигала в высоту 2,5 м и была регулярно сложена из крупных каменных плит. Пространство между стеной и склонами кургана было заполнено бутовым камнем. В результате вдоль всей окружности кургана образовалась ровная площадка, приподнятая на высоту верхнего ряда кладки внешней опорной стены. Тем самым достигалось впечатление, будто насыпь Чертомлыка сооружена на огромной каменной платформе, четко отделявшей этот рукотворный холм от окружающего рельефа (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 35-46).

Таким образом, внешние вертикальные стены имели не столько функциональное, сколько эстетическое значение. Этот элемент внешнего оформления кургана заметно выделял его на фоне окружающего рельефа, создавая впечатление, что этот рукотворный холм покоится на огромном каменном барабане-цоколе.

Иным образом, по мнению В.Ю. Мурзина (Мурзин, 2016) можно объяснить возникновение “крепид” в виде бессистемной наброски камней. Поскольку это было связано с естественным разрушением первоначального надмогильного сооружения и камни оказались на нынешнем своем месте, когда надмогильное сооружение приняло стабильную форму земляного холма, это может свидетельствовать о том, что эти камни попали на нижнюю часть склонов надмогильных сооружений, скатившись откуда-то сверху.

Отдельные камни часто встречаются на вершине (особенно, если на его вершине имеется западина – как это, согласно записям Т.С. Мищенко имело место на Бердянском кургане) и в верхней части склонов кургана.

Это заставляет предполагать, что на верхней, горизонтальной площадке надмогильного сооружения некогда высилась венчающая его каменная конструкция.

Вполне возможно, в некоторых случаях такое “навершие”, если так можно выразиться, кургана возводилось из другого материала. Например, глубокая (до 1,5 м) западина на вершине кургана I Завадская Могила была заполнена материковой глиной (Мозолевский 1980, рис. 26). Несмотря на то, что данное заполнение было частично разрушено грабительской воронкой, это дает возможность предположить, что в данном случае на плоской вершине кургана высилось сооружение из уплотненной в увлажненном состоянии материковой глины.

Согласно убедительному мнению Ю.В. Болтрика (Болтрик, 1990а), скифские курганы располагались вдоль основных сухопутных путей, пролежавших по просторам Скифии. Огромные “пирамиды” верховных скифских владык, сложенные из плиток дерна, были хорошо видны в ровной степи и без особых ухищрений. Так, например, курганы Чертомлык и Солоха, расположенные на противоположных берегах Днепра на расстоянии прямой видимости, указывали, несомненно, с обеих сторон реки путь к узловому пересечению сухопутных и водных путей – Никопольскому броду.

Надмогильные сооружения высшей скифской аристократии более низкого таксономического уровня имели более скромные размеры. Поэтому каменная кладка или цилиндрическое возвышение из другого материала (например, материковой глины) на вершине рукотворного холма делали их более заметными, а, следовательно, более надежными ориентирами.

Порядок строительства кургана. В завершение мы хотим кратко остановиться на таких важных аспектах затронутой в данной главе проблемы как вопрос об особенностях первоначальной конструкции надмогильного сооружения и порядок его строительства.

Как мы уже упоминали выше, глина, извлеченная во время рытья Центральной и Южной катакомб, укладывалась вокруг входных ям в виде широкой подковы. Поскольку входные ямы этих катакомб были впоследствии забиты камнем или камнем с прослойками камки, для формования выкида был использован практически весь поднятый наверх грунт. Выкид играл роль своеобразной опорной стены, на которую, по мере ее увеличения, постепенно укладывались плитки дерна.

Нам представляется, что большие по высоте курганные насыпи сооружались в виде последовательных ярусов (Мурзин 2016).

Как известно, большинство устремленных ввысь культовых сооружений древности имеют ступенчатую структуру. Достаточно вспомнить пирамиды

доколумбовой Америки и зиккураты Месопотамии. В полной мере это относится и к пирамидам Древнего Египта. Не случайно древнейшая из них получила название ступенчатой пирамиды Джосера. Более поздние пирамиды также имели ступенчатую архитектуру, однако за счет облицовки полированными каменными плитами получали законченную форму правильного трехгранника. Такая ступенчатая структура объяснялась не только идеологическими воззрениями (она воспринималась как своеобразная лестница к небу и обитавшим там богам), но и чисто техническими причинами, ибо облегчала подъем необходимого строительного материала.

Не исключено, что схожая технология применялась и при возведении скифских надмогильных сооружений. По нашему представлению, данный процесс мог происходить таким образом.

На первом этапе сооружалось первоначальное надмогильное сооружение в виде ступенчатой пирамиды, образованной рядом круглых ярусов с последовательно уменьшающимся диаметром. Эти ярусы для простоты обозначения можно, в принципе, называть “толосами”, имея в виду, что под “толосом”, в широком смысле этого слова, подразумевается круглое в плане культовое сооружение.

После возведения первой очереди толосов ступени между ними также заполнялись плитами дерна, в результате чего сооружение приобретало форму холма.

В некоторых случаях – например, в курганах Чертомлык, Желтокаменка и др. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. 10-15; Мозолевский 1982, рис. 5) зафиксированы прослойки уплотненного в увлажненном состоянии грунта, которые сдерживали сооружение из дерна от расползания. В разрезах насыпи Бердянского кургана

подобные прослойки зафиксированы не были. Это может быть еще одним свидетельством тому, что данное надмогильное сооружение возводилось в сжатые сроки и одновременно.

Площадь внутри выкида – между входными ямами, вымачивалась камнем. После окончания похорон, когда входные ямы Центральной и Южной могил были засыпаны, пространство над ними также было замощено камнем. В результате образовалась сплошная каменная вымостка.

Затем воронка, которая образовалась вокруг входных ям из глинистого выкида и кладки из дерна, а также проход через насыпь – “погребальная дорожка”, были заполнены большим количеством камки. На это заполнение также начал укладываться дерн. Таким образом, выкид и находившаяся внутри него камка представляли собой как бы основу будущего надмогильного сооружения.

Заметим, что подобные “ядра” насыпей зафиксированы и при раскопках других курганов (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 35). Иногда в этом качестве использовались небольшие насыпи более древних курганов (Зданович, Иванов, Хабдулина 1984, с. 43). Это свидетельствует, что данная архитектурная деталь несла несомненную функциональную нагрузку. Возможно, наличие у насыпи такого своеобразного “ядра” было обусловлено технологией строительства кургана и, по-видимому, облегчало процесс кладки плиток дерна и предания строящемуся сооружению заданной формы.

Однако наличие таких своеобразных, в какой-то мере пустотелых (в Бердянском кургане за счет камки) “ядер” насыпи нельзя объяснить лишь технологическими причинами.

Такие пустотелые сооружения над могильными ямами – С.В. Махортых такие погребальные сооружения называет “комбинированными”, зафиксированы в скифских памятниках Северного Кавказа (Махортых 1991, с. 37). Среди них наиболее близки Бердянскому кургану, пожалуй, курганы №1–3 у с. Гойты (Республика Ичкерия), датируемые V в. до н.э. (Марковин 1965). Так, в кургане № 1 вокруг могильной ямы были сооружены глиняные стены высотой до 1,9 м, перекрытые дубовыми плазами. В Бердянске роль таких стен выполнял высокий материковый выкид.

Полое пространство над могильной камерой зафиксировано и в некоторых сакских курганах Казахстана (Бейсенов 2015, с. 23).

Надо думать, что и в скифских курганах степного Северного Причерноморья такие относительно полые, заполнявшие пространство между выкидом в отличие от Бердянска не камкой, а другим растительным материалом, например – хворостом, были более распространены, чем мы пока можем себе представить. Об этом могут свидетельствовать западины на вершине ряда скифских курганов, которые могли образоваться в результате естественного распада растительного материала и последовавшего, вследствие этого, проседания курганной насыпи.

По нашему мнению, такой элемент курганной насыпи как полость внутри ее “ядра” может быть данью более древней традиции – а именно связан с погребениями на уровне древнего горизонта, хорошо известным по протоскифским и ранне-

скифским памятникам Тувы, например приобретшим широкую известность курганам Аржан и Аржан-2.

Когда насыпь из дерна была уже возведена, на ее плоской вершине была, по-видимому, построена какая-то каменная конструкция, возможно повторявшая в уменьшенном виде форму надмогильного сооружения из дерна (Рис. 13).

Со временем, под весом насыпи камка внутри нее просела и спрессовалась. Это привело к разрушению верхней каменной конструкции, часть которой зафиксирована А.Я. Огульчанским как некая “каменная чаша”. А вторая часть скатилась по склону вниз, образовав так называемую “крепиду” из бессистемно лежащих камней.

Мы понимаем, что предложенная нами реконструкция достаточно спорна. При этом большинство возражений будет связано, пожалуй, с нашим предположением относительно наличия на вершине кургана каменной конструкции.

Однако каменные завалы в центре насыпей обнаружены не только в Бердянском, но и в других скифских курганах, сводка которых приведена в работе А.И. Мелюковой (Мелюкова 1981, с. 10). Так, в Краснокутском кургане каменный завал занимал весь центр и имел коническую форму. По мнению раскопавшего памятник И.Е. Забелина (ДГС 1872, с. 50-51), завал возник в результате заполнения после похорон воронки, образованной выкидом и полами насыпи, камнями. В принципе, таким же образом объясняет подобные скопления камней и В.С. Ольховский (1991, с. 76). Однако в этом случае нижняя часть завала должна достигать дна этой воронки – т.е. уровня погребенной почвы, что в Бердянском кургане не наблюдалось. Именно это и дало нам основание предположить, что слой камней в виде “чаши” представляет собой развал каменной конструкции, некогда венчавшего самую вершину надмогильного сооружения Бердянского кургана.

Глава 2.

Погребальные сооружения и погребальный инвентарь

Под насыпью Бердянского кургана было обнаружено три катакомбы – Центральная, Южная и Восточная (Рис. 11). Как мы уже отмечали выше, все они одновременные и основные. Погребения оказались ограбленными в древности.

Типологически катакомбы достаточно простые, что лишний раз подтверждает наблюдение Б.Н. Гракова (1964), согласно которому катакомбные могилы скифской аристократии зачастую отличаются от катакомб рядовых скифов не столько своей планировкой, сколько более значительными размерами.

Последнее замечание относительно размеров прежде всего подтверждают параметры Центральной и Южной катакомб, особенно их глубина.

Центральная катакомба имела входную яму прямоугольной формы размерами 4,6 x 3,4 м, ориентированную по линии З – В. Глубина ямы – 12,5 м. (Рис. 14). Заполнение входной ямы состояло из прослоек чернозема, больших гранитных глыб и мощных – до 0,5 м, слоев спрессованной камки.

Тем не менее, несмотря на глубину и трудно преодолимое заполнение входной ямы (в этом в полной мере убедились сотрудники экспедиции – большие каменные глыбы приходилось дробить с помощью молота, а камка пружинила под лопатой) Центральная могила была ограблена в древности. Грабительский ход проходил через всю насыпь с полы кургана. Достигнув каменной вымостки, грабители пробили ее, а затем, чтобы обойти заполнение входной ямы, врезались ходом в северную стенку входной ямы и вдоль заполнения прошли вниз, в камеру.

В грабительском ходе (Чередниченко 1981, с. 13-16) кроме костей животных, обломков железных стержней, фрагментов амфор и 57 обломков чернолаковых и краснофигурных сосудов, были обнаружены: 2 бронзовые ворварки; костяное пряслице; бронзовый литой конский наносник в виде стилизованной головы коня (2,7 x 1,7 см); бронзовые выпуклые бляхи с петлей на обороте, плакированные золотой фольгой (детали узды?); фрагменты наборного железного оплечья панциря; железный наконечник копья длиной 43 см; фрагменты серебряной пластины с рифлением; серебряное кольцо диаметром 1,5 см., орнаментированное припаянными в трех местах “пирамидками” из четырех шариков; золотые полусферические пуговицы; фрагменты золотой пластины с рельефным орнаментом; 14 золотых пластин с изображением грифона, льва, оленя; 66 золотых пластин в виде равностороннего треугольника; 3 золотые пластины в виде “мальтийского” креста; фрагменты золотого конского нащечника в форме крыла птицы; чернолаковый скифос высотой 10 см и диаметром венчика 10,4 см; краснофигурный скифос (высота – 10,4, диаметр венчика – 12,6 см), на каждой стороне которого изображена пара мужчин, стоящих лицом друг к другу, один из них – с вытянутой рукой, между ними растительный

орнамент в виде цветков лотоса; краснофигурный скифос (высота – 11 см, диаметр венчика – 13 см), орнаментированный подобно предыдущему; краснофигурный скифос (высота – 10,7 см) с изображением цветков лотоса и женской головки; 4 фрагмента чернолакового килика.

В СВ углу ямы находилось устье камеры в виде арки высотой 1 м и шириной 0,9 м.

Камера трапециевидной формы, шириной от 3,4 до 5,6 м, своей длинной осью (5,8 м) располагалась под углом к входной яме – по линии СВ–ЮЗ. Ее дно у входа было на 2,5 м. ниже дна входной ямы, а затем еще постепенно понижалось примерно на 0,2 м. Вдоль торцевой, СВ стенки камеры, была выкопана небольшая канавка глубиной 0,35 м и шириной 0,4 м.

При рассмотрении особенностей данного погребального сооружения внимание, прежде всего, привлекает его необычная глубина – дно камеры достигает отметки 15 м от уровня древней поверхности. По этому показателю Центральная катакомба Бердянского кургана не имеет себе равных среди скифских памятников Северного Причерноморья, хотя лишь ненамного отстает от него по глубине погребальное сооружение в одновременном Бердянском кургане Казенная Могила – 13 м (Rolle 1979, s. 58; Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 157, табл. 3).

Довольно необычно выглядит и ровик, вырытый вдоль СВ стенки камеры. Ровик треугольный в сечении, его глубина 9,35, а ширина – 0,4 м.

Даже обратившись к наиболее полной на сегодняшний день сводке В.С. Ольховского (1991), который попытался учесть все разнообразие деталей в конструкции скифских катакомб, мы не смогли подобрать ничего подобного в качестве аналогии.

Определенные параллели возникают лишь при обращении к грунтовым ямам с облицованными деревом стенками. Для закрепления такой облицовки и выкапывались вдоль стенок небольшие канавки. Такой тип погребальных сооружений был широко распространен в эпоху скифской архаики на территории Лесостепи (Ильинская 1968, с. 81-82; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 43). Изредка встречается он и в Степи – однако следует учитывать, что раннескифские погребения здесь вообще малочисленны. Так, например, канавки вдоль стенок грунтовой ямы были зафиксированы Д.Я. Самоквасовым (1908, с. 122) при раскопках кургана V в. до н.э. у с. Большая Знаменка. В рассматриваемом нами случае наличие канавки в камере Центральной могилы лишено какого-либо практического смысла и может рассматриваться лишь как реминисценция более ранних погребальных традиций.

Центральное место в камере описываемой катакомбы занимали остатки прямоугольного настила или нижней части саркофага размерами 2,6 x 1,3 м, от которых частично сохранились хорошо обработанные деревянные планки. Подобные настилы зафиксированы примерно в четырех десятках скифских погребений IV в. до н.э. Все они принадлежали представителям среднего и высшего слоев скифского общества (Ольховский 1991, с. 105).

На настиле находились остатки разрушенного грабителями скелета основного погребенного – кости правой ноги и обе ступни. Судя по их положению, погре-

бенный был обращен головой на ЮЮВ. На костях правой ноги сохранилась следы бронзовой кнемиды, покрытых отпечатками истлевших дерева и ткани – возможно, остатками крышки саркофага. Рядом с настилом обнаружено несколько золотых пластинок, такие же пластинки были найдены при выборке входной ямы в пределах грабительского хода.

Основного погребенного сопровождали еще две osoby. В северо-западной части камеры, у входа, был положен «охранник». Рядом с его костями, разбросанными грабителями, удалось найти железный наконечник копья, длинный железный меч и обрывки железного чешуйчатого панциря. Второй слуга – «виночерпий» – был обнаружен на дне камеры; в ее юго-западной части, неподалеку, под стенкой камеры, стояли амфоры (Рис. 15). Н.Н. Чередниченко в своем Отчете (Чередниченко 1981, с. 18) упоминает о 20 экземплярах этих сосудов, а в специальной работе, посвященной комплексу керамики из Центральной Могилы (Полін, Ковальов, Чередніченко 2000, с. 94) речь идет о 19 таких сосудах. Но, насколько помнит В.Ю. Мурзин, амфор было действительно 20.

Все они произведены на острове Фасос (Полін, Ковальов, Чередніченко 2000, с. 94-102).

Объем амфор от 10,1 до 12,75 л. Таким образом, они приближаются к максимальным размерам амфор данного типа.

Под венчиком и на верхней части ручек амфор сохранились красные полосы. Такой же краской на горловинах 16 амфор нанесены дипинти в виде греческой букв С, S, L, I. Чаще других встречается значок X (Рис. 16).

Клейма присутствуют на 12 экземплярах – в трех случаях на горловинах, в других случаях – на одной из ручек, в верхней части или на стиге. На ручках амфор №№ 1, 13, 19 нанесены идентичные клейма с эмблемой «черепашка» и надписью с четырех сторон: НΡΟ|ΦΩΣ|ΑΡΙ.

На ручках амфор №№ 3, 11, 14 присутствуют клейма с эмблемой «перевернутый дельфин» и частичные или смазанные оттиски ΣΚΥΝΜ|ΘΑ|ΣΙ|ΑΡΙΣΤ. Необходимо отметить, что имя эпонима Арист присутствует на большинстве клейм комплекса.

На амфоре № 6 нанесена эмблема «пилос» с надписью ΘΡΑΣ|ΩΝΙ...|ΘΑΣΙ...|ΑΡΙΣΤΟ.

На ручке амфоры № 7 оттиснуто уникальное клеймо – эмблема «светильник», Легенда выполнена в три ряда: ΛΕΩΦΑ|ΘΑΣ|ΔΙΚΗΚΑ.

В верхней части горловин амфор №№ 12 и 18 с эмблемой «рыба» и легендой: ΚΛΕΟΦΩΝ|ΘΑΣΙΟΝ|ΑΘΗΝΟΔΩΡΟ|Σ.

Необходимо сказать, что фасосские амфоры достаточно редко встречаются не только в скифских курганах, но и в античных памятниках Северного Причерноморья. Так, например, по наблюдениям А.В. Гаврилова и Н.Ф. Федосеева, поставки фасосского вина в античные центры в округе современной Феодосии были незначительны. Его поставки начались в 70-е гг. IV до н.э., а пик поставок пришелся на 40-30-е гг. IV в. до н.э., после чего начался спад (<http://www.kerch-museum.com/userfiles/Gavrilov.pdf>).

Возможно, подобная ситуация объясняется высокой стоимостью фасосского вина, которое и ныне славится среди знатоков.

Рядом с амфорами находились остатки одной из разновидностей многоствольной флейты – свиринги (?), а также античный сервиз для вина (Полін, Ковальов, Чередніченко 2000, с. 102-109) – развал античного краснофигурного оксибафа – сосуда, предназначенного для смешивания вина с водой, и четыре греческих сосуда для питья – скифоса (Рис. 17).

Краснофигурный оксибаф с двумя ручками высотой 36 см, диаметр его венчика – 37 см. Внешний край венчика украшен лентой из лаковых завитков, ниже расположена гирлянда из лавровых листьев.

На одной стороне оксибафа размещена композиция из пяти фигур – танцующие сатиры и менады с тирсами и тимпанами. На обратной стороне изображены трое юношей-палестритов.

Краснофигурный скифос № 1 высотой 11,4 см. С обеих сторон изобразено по паре общающихся между собой мужчин.

Фрагменты краснофигурного скифоса № 2. Диаметр венчика – 13,1 см. Сохранилось изображения пальметт и оголенного атлета со стригилем в правой руке.

Краснофигурный скифос № 3 высотой 10,9 см имел диаметр венчика 12 см. а одной стороне сохранились изображенные в профиль женские головки в остроко-нечных головных уборах.

Чернолаковый скифос № 4 имел высоту 9,9 и диаметр венчика 10, 4 см.

Южная часть камеры Центральной гробницы от грабителей практически не пострадала, поскольку свод камеры обрушился здесь еще до ограбления и накрыл значительную часть пола, где лежали многочисленные золотые нашивные пластины (Рис. 18). Как выяснилось, здесь, в ЮВ углу камеры, была расстелена одежда (Клочко 1980) типа короткого кафтана, расшитого многочисленными золотыми пластинками в виде треугольников и «мальтийских» крестов, а также два остроконечных, согласно реконструкции Л.С. Клочко, женских головных убора, украшенных различными золотыми пластинами и подвесками.

Один из уборов дополнялся накидкой (Рис. 19), расшитой золотыми пластинами с рельефным изображением сцены братания двух скифов. Рядом обнаружено нагрудное сетчатое украшение, собранное из золотых пронизок и “репяховидных” подвесок и остатки кожаной сумки, декорированной золотыми пластинами с изображением крылатого грифона и в виде “мальтийского” креста. В сумке находились два костяных гребня. Один из них венчал фриз, воспроизводящий сцену терзания молодого оленя львом. Все эти вещи были накрыты покрывалом пурпурного цвета, расшитым большими золотыми пластинками с изображением крылатого грифона.

Находки остроконечных головных уборов и сетчатого украшения, которые традиционно считаются принадлежностями скифского женского костюма, могут свидетельствовать, что основного погребенного в Центральной могиле сопровождали не только «охранник» и «виночерпий», но и захороненная вместе с ним знатная скифянка.

Как известно, захоронение вместе с владыкой сопровождающих его в иной мир особ у скифов было достаточно распространенным обычаем. Достаточно красочно этот ритуал описан у Геродота в рассказе о похоронах скифского царя (Геродот, IV, 71). Зафиксирован он и археологически. Например, в кургане Чертомлык, даже без учета убитых воинов-стражников, расставленных вокруг кургана, число лиц, сопровождающих основного погребенного, составляло не менее десяти (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 75). В целом, согласно подсчетам Б.Н. Мозолевого (Мозолевский 1979, с. 164; Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 168-169) из 40 курганов скифской знати высотой 4 и более метров, сопровождающие захоронения были обнаружены в 21 случае, в 16 случаях достоверные данные нет из-за разрушенности гробниц, и лишь в трех случаях зафиксировано отсутствие сопровождающих захоронений. При этом в большинстве курганов было захоронено лишь по одному сопровождающему лицу; курганы, где их было больше, единичны. К числу последних, таким образом, относится и Бердянский курган.

Большое количество вещей было обнаружено также вдоль стенок камеры. Первоначально они были развешены на железных крюках, вбитых в стены на высоте, примерно, 1,1 м. Если на полу находилась женская одежда и женские головные уборы, то на стенах были развешаны различные аксессуары знатного воина, которые после естественного обвала стен камеры упали на ее дно.

Неподалеку от «виночерпия» лежали два набора конской узды вместе с железными крюками, на которых они некогда висели. Комплекты состояли из железных удил, псалиев, колец и цепочки, бронзовых ворварок и луновидных пластин, бронзовых круглых блях, плакированных золотой фольгой, а также золотых украшений. Среди последних – наносник в виде головки коня, три нащечника, стилизованные как крылья птицы, а также пластинчатый ромбовидный налобник и с изображением сцен терзания (Рис. 20).

Такие нащечники и налобники ромбовидной формы, в том числе и золотые, входят в состав многих наборов скифской узды. Среди золотых налобников такой формы наибольшую известность получил, пожалуй, налобник из кургана Малая Цымбалка с рельефным изображением прародительницы скифов – Змееногой богини (Золото скифских царей 2012, с. 167), подобный золотой налобник с таким же изображением обнаружен также в кургане Толстая Могила (Мозолевский 1979, с. 38, рис. 23).

В отличие от первых двух, где чувствуется рука опытного ювелира, тщательно проработавшего все детали, бердянский налобник выполнен небрежно, даже грубо. Создается впечатление, что изготовивший его мастер ограничился лишь оттиском по матрице. Возможно, это объясняется тем, что налобник не использовался при жизни погребенного аристократа, а был изготовлен спешно и специально для похорон.

Вероятно, первоначально количество наборов конской узды было несколько большим, поскольку отдельные детали других комплектов были обнаружены также в грабительском ходе.

На нескольких крюках висели боевые пояса: 1) наиболее широкий (9,3 см) с железным набором; 2) с набором бронзовых пластинок длиной около 70 см и шириной 4,6 см; 3) биметаллический из чередующихся секций железных и бронзовых пластинок, ширина пояса – 4,8 см (Мурзін, Фіалко 1998б, с. 110).

К одному из них был подвязан горит со стрелами, к другому – два. Еще шесть горитов висели на крюках отдельно. Всего в камере было выявлено 9 колчаных наборов, что явно превышает число наборов практически в подавляющем большинстве скифских памятников. Каждый из наборов в Центральной гробнице Бердянского кургана содержал от 83 до 161 стрелы с бронзовыми или костяными наконечниками.

Абсолютное большинство (Мурзін, Фіалко 1998б, с. 103-112) бронзовых наконечников стрел – 1167 экз., т.е. более 80%, – трехгранные, 236 экз. – трехлопастные, 204 – костяные пулевидные (Рис. 21).

К двум поясам, наряду с колчанными наборами, были прикреплены два меча (Рис. 22) – один сравнительно длинный, на котором сохранились остатки деревянных ножен, и один более короткий, с плакированной золотой фольгой рукоятью.

Еще к одному поясу с бронзовым набором были привязаны три деревянных чаши с золотыми оковками (Рис. 23). Две из них полушаровидной формы, одна – овальной формы с двумя золотыми ручками, которые имитируют голову хищной птицы и ее хвост.

Железными же крючками к северо-восточной стенке камеры были прикреплены 11 копий с железными наконечниками остролистной формы и 2 дротика (Рис. 24), собранные в один пучок при помощи железной проволоки. Верхнюю их часть закрывал тканевый футляр, отпечатки которого четко прослеживались. Помимо этого, один из наконечников копий имел деревянный футляр с железной обивкой.

В ряде случаев сохранились и втоки длиной около 7-9 см. Если исходить из расположения копий и втоков, то длина копий из Центральной могилы могла колебаться, примерно, в районе 170 см. Однако для скифских копий обычно фиксируется длина более 2 м, поэтому не исключено, что для того, чтобы копья и дротики разместить на сравнительно короткой стене погребальной камеры, их древки были предварительно сломаны.

Таким образом, если учитывать два наконечника копий, выявленных в грабительском ходе, всего в Центральной могиле в числе погребального инвентаря было не менее 13 копий. Такое количество данного вида оружия – почти уникальный случай для скифских захоронений.

Об особой любви погребенного к оружию свидетельствуют и пять боевых клевцов (также необычно большое количество этого вида оружия в одном скифском погребении) – четыре железных и один биметаллический, также повешенные на железные крюки.

Необычно оформление биметаллического клевца, обушок которого венчает бронзовая обойма в виде головы человека (Рис. 25). Что касается бердянской находки, то по манере моделировки лица человека она находит некоторое сходство

с такими отдаленными географически, но близкими ему по времени, кельтскими мечами с антропоморфными рукоятями, в частности кельтском мече (Рис. 26) из Закарпатья (Zeller 1980, abb.5, 6), а также на распространенных в V в. до н.э. на территории Западной Европы «лицевых» фибулах (Монгайт 1974, с. 231, 235) и некоторых культовых антропоморфных статуэтках Северного Кавказа – например, на бронзовых статуэтках мужчин, которые датируются V в. до н.э. и найдены на территории Дагестана (Доманский 1984, № 187, 188).

Не вызывает сомнения, что бердянский биметаллический клевец, имевший некий сакральный и социальный смысл, мог служить своеобразным символом власти. Не случайно на серебряном кубке из Частых курганов изображен главный герой – по мысли Д.С. Раевского (1977, с. 30-34), – первопредок скифов Геракл, опирающегося именно на боевой топор (Рис. 27). Нельзя, в конце концов, забывать и о навершии со скульптурным изображением верховного бога скифов – Папая, найденном на Лысой Горе (Рис. 28), хотя это навершие, очевидно, намного более раннее, чем биметаллический клевец из Бердянского кургана.

На боевом поясе, к которому, кроме колчана, крепился также меч с плакированной золотом рукоятью, висела также золотая оковка оселка, богато орнаментированная зернью и сканью (Рис. 29).

Заметим, что золотые колпачки встречаются как на собственно точильных камнях – например, в курганах Куль-Оба (Рис. 30) и Чертомлык (The golden deer of Eurasia 2001, tab. 165; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 107, рис. 72), так и отдельно – в том же Чертомлыке было найдено, в частности, три колпачка (Мурзин, Ролле 1991, с. 107, рис. 72) без, как и в Бердянском кургане, самих оселков. Не исключено, что в таких случаях имитация оселка изготавливалась из дерева (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 108), что подтверждает мысль М.П. Грязнова (Грязнов 1961а, с. 142) о том, что оселки и их подобию служили своеобразными амулетами, смысл и назначение которых нам ныне установить невозможно.

Южная могила, которая непосредственно примыкала к Центральной и была отделена от нее лишь перемычкой шириною 0,8-0,9 м (Рис. 31), представляла собой катакомбу с округлой камерой, длинная ось которой была параллельна длинной оси входной ямы (З-С). Последняя имела прямоугольную форму, размеры 3,9 x 1,9 при глубине 9,7 м и была заполнена черноземом и камнем. Дно камеры было глубже дна входной ямы на 1,2 м, а размеры камеры достигали 5,3 x 4,8 м. (Рис. 32).

В юго-западном углу камеры находился деревянный решетчатый настил прямоугольной формы длиной 1,6 и шириной 1 м. Под ним прослежены остатки какой-то растительной подстилки, посыпанной белым мелом.

На настиле было найдено изделие из трубчатой кости, которое Е.Е. Фиалко совершенно справедливо определила как навершие рукояти нагайки (Фиалко 1993). Навершие украшено на одном из концов резным изображением головы хищника с прижатыми ушами и оскаленной пастью (Рис. 33), судя по всему – волка.

Необходимо отметить, что в зооморфном искусстве Северопричерноморской Скифии образ волка встречается довольно редко. Более распространен он в искус-

стве восточных соседей скифов. Например, протома волка украшает рукоять сакского (?) жертвенного обсидианового ножа (Рис. 34) из собрания Музея истории оружия в г. Запорожье (публикация этого ножа подготовлена В.Ю. Мурзиным и В.Г. Шлайфером и в настоящее время сдана в печать), а изготовившийся к прыжку хищник с непомерно большой головой и оскаленной пастью выгравирован на костяном предмете из с. Абрамовка (Рис. 35), что в Южном Приуралье (Смирнов 1976, рис. 1,8). В принципе, можно назвать и другие образцы подобных изображений, но сути дела это не меняет.

Сразу же заметим – несмотря на то, что последние два предмета несомненно более ранние, чем бердянская находка, общая стилистика изображения головы волка, в принципе, одинакова. Это свидетельствует о том, что в искусстве скифо-сибирского звериного стиля образ волка был менее подвержен трансформации во времени, чем другие образы – например, образ кошачьего хищника.

Следует сказать, что волк в той или иной ипостаси зафиксирован в мифологии многих древних народов. Не будем вспоминать классический миф об основателях Рима Ромуле и Реме, поскольку он возник в иной этнокультурной среде, а обратимся к более близким параллелям.

Так, прародителем наиболее известного рода легендарных нартов – а нартовский эпос, несомненно, складывался под влиянием мифов ираноязычных кочевников – прежде всего, алан, был Уархаг (Дюмизиль 1976, с. 174, 176-177). Согласно В.И. Абаеву (Абаев 1949, с. 187), это имя происходит от иранского слова «warka» – волк.

Не менее интересен сюжет, повествующий о происхождении знатного рода Ашина, правившего во многих кочевых тюркских образованиях – от объединения хуннов до Хазарского каганата.

Согласно китайской летописи Таншу, в древности существовал хуннский род Ашина. Этот род был разбит и истреблен соседями, но осталась одна беременная женщина, которая скрылась в горах на северо-западе Алтая, в горной пещере. Это было волчье логово. Во время родов женщина скончалась, а мальчика вскормила волчица, которая имела шестерых волчат, а мальчик был седьмым. От этого мальчика и берет свое начало хуннский царский род Ашина.

Особую роль хищников семейства псовых (в данном случае нас интересуют волки, а также их подвид – домашние собаки) в идеологии и воинских обычаях ираноязычных кочевников рассматривает А.И. Иванчик на примере скифского вождя эпохи переднеазиатских походов Ишпакая и его воинов (Иванчик 1988).

В этой связи он, прежде всего, отметил этимологию имени предводителя скифов Ишпакай, производного от иранского слова «sрака» – собака.

По мнению этого автора, собака и волк почитались ираноязычными народами, особенно их молодыми воинами, что связано с институтом возрастных классов. Молодые воины обычно представляли собой особое подразделение кочевого войска и входили в состав мужских союзов. Зачастую они именовались «волками» и отличались жестокостью и неустрашимостью.

Согласно А.И. Иванчику, это, по видимому, относилось и к воинам Ишпакая –

«воинам-псам», сражавшихся с неистовостью бойцовских псов.

У Геродота (Геродот, IV, 105) зафиксированы интересные данные о неврах – северных соседях скифов, но живущих по скифским обычаям. Согласно «Отцу истории», негры один раз в году были способны на несколько дней обращаться в волка. Скорее всего, здесь зафиксированы какие-то элементы воинской магии негров, их способность превращаться в воинов-волков.

Саги викингов, этих средневековых кочевников морей, также полны упоминаний о бесстрашных берсекрах (воинах-медведях) и улфедхиннах (воинах-волках), которые, под воздействием каких-то наркотических средств – возможно, галлюциногенных грибов (вспомним священный напиток индоиранцев – сома, изготавливаемый из отвара красных мухоморов) бесстрашно бросались в бой и не чувствовали боли от полученных ран.

Нагайка была достаточно часто одним из атрибутов, изображаемых на скифских антропоморфных стелах. В этой связи, например, можно вспомнить стелу из с. Ольховчик (Росляков 2008, с. 137).

Несомненно, изображение волка именно на рукояти нагайки имело свой глубокий смысл. Именно ударом нагайки по носу волка кочевники, что зафиксировано этнографически, часто убивали этого опасного врага всех скотоводов.

При этом нагайка считалась оружием, которое следует применять против недостойных противников. Вспомним в этой связи рассказ Геродота (IV, 1-5) о покорении скифами потомков «слепых». Как оружие против недостойных врагов нагайка зафиксирована также в тюрко-монгольском эпосе (Липец 1984, с. 81), да и запорожские казаки считали, что саблю следует использовать лишь против «честного» противника, а против «басурман» необходимо действовать батогами (Яворницкий 1990, с. 218).

Можно предполагать, что на этом настиле некогда покоился погребенный, однако ни целого скелета человека, ни его разрозненных частей найдено не было. Вероятно, останки погребенного были извлечены из могилы грабителями.

Еще один настил из прутьев размером 1,8 x 1,3 м был зафиксирован у восточной стенки камеры. На нем лежали скелеты коня, овцы и быка, которые свидетельствуют, что при похоронах сюда были положены целые туши этих животных.

Центральную и восточную части камеры заполняли многочисленные кости других животных тех же пород, что и на настиле.

Под южной стеной, примерно у ее середины, лежали на боку два бронзовых котла с горизонтальными ручками (кат. 192-193) – большой (высота 40 см, диаметр по верху – 48 см) и маленький (высота 33 см, диаметр по верху – 41 см), заполненные костями животных. Рядом с большим котлом лежал железный черпак с длинной ручкой (кат. 191).

Центральная и Южная катакомбы, входные ямы которых разделяла лишь узкая перемычка, несомненно, представляли собой единый комплекс. По своему назначению он, в принципе, соответствует двухкамерной центральной катакомбе в кургане Солоха (Манцевич 1987, рис. 4).

Бердянский комплекс из двух катакомб – Центральной и Южной, сооружен для погребения скифского владыки, останки которого были обнаружены на деревянном помосте в камере Центральной катакомбы. Южная могила была своеобразной «хозяйственной» частью данного погребального комплекса. Останки погребенного в Южной могиле (если они там были, что достоверно установить нельзя из-за древних грабителей) могли принадлежать слуге аристократа, отвечавшего за его стол и припасы (нечто вроде ключника в Древней Руси) или его «личного» повара. В таком случае, число лиц, сопровождавших знатного скифа в иной мир, необходимо еще увеличить.

Подобная ситуация имела место и, например, в Северной гробнице кургана Гайманова Могила, в которой у устья хозяйственной ниши лежал скелет слуги (Бидзиля, Полин 2012, с. 93).

Схожая планировка могил была зафиксирована и под насыпью расположенной неподалеку от Бердянского кургана и практически одновременной с ним Двугорбой Могилы. В последнем случае рядом с основной двухкамерной катакомбой были вырыты еще четыре дополнительных – для сопровождающего лица и погребального инвентаря (Привалова, Зарайская, Привалов 1982, с. 160-161).

Возможно, традиция сооружения отдельных дополнительных катакомб была одной из особенностей данной территории – Приазовья, или данного отрезка времени – как мы увидим далее, речь идет о начале IV в. до н.э.

Таким образом, Центральная и Южная могилы Бердянского кургана представляют собой едины погребальный комплекс, сооруженный для представителя высшей скифской аристократии.

Несколько особняком стоит Восточная могила, хотя она и одновременна Центральной и Южной могилам.

Восточная могила, обнаруженная в 18,7 м. юго-восточнее центра, была также вырыта с уровня погребенного чернозема, о чем свидетельствует лежащий на погребенном черноземе материковый выкид мощностью до 1,2 м.

Могила состояла из прямоугольной входной ямы, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, и камеры трапециевидной формы, длинная ось которой была перпендикулярна длинной оси ямы. Размеры входной ямы составляли 3,1 x 2 м, камеры – 4,4 м в длину и до 3,3 м в ширину. Вдоль юго-восточной стенки ямы были устроены три ступеньки шириной 0,2, 1,5, и 0,2 м соответственно (Рис. 36).

На второй ступеньке зафиксированы остатки двух деревянных колес с ободом, окованным снаружи и изнутри железными шинами, стянутыми железными штырями (Рис. 37).

Подобные колеса (вероятно от погребальной повозки) часто встречаются в закладах скифских катакомб, что дало нам основание рассматривать погребальные камеры скифских катакомб как своеобразную модель кочевой кибитки, в то время как надмогильные сооружения сравнивать по своей форме с другим традиционным жилищем кочевников – юртой (Мурзин 2016, с. 104-107).

В юго-западной стенке была вырублена небольшая – шириной 0,45 м и высотой

0,65 м, ниша, где находились фрагменты двух лепных сосудов и четыре бронзовых наконечника стрел. Дно ямы, было полностью забито гранитными камнями, пол камеры находились на отметке 5,9 м от уровня древней поверхности.

В заполнении грабительского хода, пробитого вдоль СЗ стенки входной ямы, и заполнении камеры (Чередниченко, Фиалко 1988, с. 142-152, рис. 3) были обнаружены многочисленные и разнообразные вещи (кат. 121-158). Среди них (Рис. 38) наконечники стрел, детали костяного веретена, краснофигурный скифос, золотые пластины, в том числе с изображением женской головки, львиноголового грифона или кошачьего хищника, золотые пронизки и бусины, золотая серьга и др.

Устье камеры находилось под северо-западной стенкой входной ямы. Оно было заложено плоским гранитным валуном (1,4 x 0,4 м) и, вероятно, обнаруженными рядом деталями деревянной повозки.

У северо-западной – торцевой, стенки камеры была прослежена меловая подсыпка прямоугольной формы – 2,6 x 0,9 м. На ней находились человеческие кости и череп, сдвинутые грабителями в кучу. Согласно определению С.И. Круц и Л.В. Литвиновой, они принадлежали женщине старческого возраста, страдавшим тяжелым артритом, что делало ее практически неподвижной. На подсыпке сохранились отпечатки ткани со следами голубой, красной и малиновой красок – вероятно, остатки подстилки или покрывала.

В юго-западном углу камеры, у входа, было обнаружено погребение сопровождающего лица – мальчика-подростка. Он тоже был положен на меловую подсыпку, рядом с ним лежало копье с железным наконечником длиной 41 см (кат. 160).

На дне камеры, в разных ее местах, встречены обломки бронзовых ойнохой и лутерия и другие, менее значительные вещи (кат. 159-169). В северо-восточном углу прослежен след от ножки бронзового котла, который, видимо, забрали грабители.

В дне камеры были вырыты четыре тайника. Три из них представляли собой неглубокие – 11-14 см, круглые ямки диаметром около 22-23 см. Тайник № 1 имел прямоугольные очертания (40 x 45 см) и глубину около 18 см.

Два из тайников – №№ 3 и 4, удалось обнаружить грабителям. Поэтому тайник № 4, устроенный в юго-западном углу камеры, был абсолютно пуст, а в тайнике № 3, что находился у северо-западной стенки, сохранились лишь три нашивные треугольные бляшки в виде треугольника.

Два других тайника остались не потревоженными. Особенно впечатляет содержимое тайника № 1 (Чередниченко, Фиалко 1988, с. 156-157, рис. 6). Здесь оказались (кат. 170-184): золотой пластинчатый браслет, детали и украшения конского оголовья (удила, псалии, ворварки, нащечники и налобники), украшения конского нагрудника (пронизи, обоймы, колокольчики, лунницы и т.д.), а также четыре бронзовых прорезных навершия, увенчанные фигурками оленей (Рис. 39-40). Согласно сводкам Б.Н. Мозолевого (Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 167) и В.С. Ольховского (1991, с. 118), навершия обнаружены в девяти степных скифских курганах IV–III вв. до н.э. вместе с деталями конской сбруи или деталями повозок. Однако непосредственно в погребальных сооружениях они встречаются крайне редко

– в Мелитопольском и Бердянском курганах, причем лишь в последнем случае они были положены в тайник.

Набор вещей в тайнике № 2 был более скромным. Отсюда были извлечены (кат. 185-189) железный нож с костяной рукоятью, 6 костяных и 191 бронзовый наконечники стрел, железный вток копья и железный стержень.

Необходимо заметить, что необычный состав погребального инвентаря, в частности наличие здесь деталей погребального кортежа, к которым относятся части повозки, а также бронзовые навершия и украшения коня, давно уже привлекли внимание специалистов. Опираясь на наблюдения С.С. Бессоновой (1982, с. 112-115), согласно которой повозки играли заметную роль в скифском культе, в частности культе женского божества, Н.Н. Чередниченко и Е.Е. Фиалко (Чередниченко, Фиалко 1988) предположили, что погребенная в Восточной могиле женщина была жрицей Великой богини. Еще далее пошел Б.Н. Мозолевский (Мозолевский 1979, с. 174; Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 166-167), который все без исключения комплексы погребального кортежа интерпретировал как культовое снаряжение передвижных храмов женского божества.

Весьма интересна также находка в заполнении и на полу Восточной могилы 13 так называемых «пращных» камней. Трудно представить себе использование пращи пожилой и почти неподвижной женщиной. Вовсе не отрицая наличия такого вида оружия у скифов, все же замечу, что часть «пращных» камней могла использоваться и в иных целях.

Достаточно известен рассказ Геродота (IV, 61) о том, как скифы варили на костре из костей мясо в желудках убитых животных, добавив туда некоторое количество воды. Несмотря на всю живописность и экзотичность этого пассажа, трудно поверить, что желудок, даже заполненный частичной водой, не прогорал на открытом огне. Этого можно было избежать, если переложить мясо в желудке раскаленными камнями. Таким способом кочевники Евразии запекали даже целые туши, забросив раскаленные камни через горловину в брюшную полость (Жуковская 1981, с. 122).

Вполне понятно, что с этой целью должны были использоваться породы камней, способные выдерживать высокую температуру, не трескаясь и не распадаясь. К сожалению, о породах «пращных» камней мы практически ничего не знаем. Однако изредка – например, в кургане у с. Яблоневка (Мелюкова 1964, с. 68), такие камни встречаются положенными в кухонную утварь, что не может не наталкивать на определенные размышления.

Несомненный интерес представляет расположение Восточной могилы. Подобно большинству боковых погребений скифского времени, ее входная яма была вырыта на самой периферии кургана, не исключено – даже за пределами надмогильного сооружения. Как правило, здесь находятся входные ямы впускных погребений. В данном случае Восточная Могила одновременна Центральной и Южной могилам и является составной частью единого погребального комплекса. Это не единственный подобный случай.

Так, в кургане Двугорбая Могила под развалом каменной «крепиды» было вы-

явлено пять погребений слуг в неглубоких ямах (Привалова, Зарайская, Привалов 1982, с. 156-159). По понятным причинам их социальное положение нельзя сравнивать с социальным статусом погребенной в Восточной могиле женщины, однако местоположение сооруженной для нее катакомбы все же подчеркивает и ее зависимое от владыки из Центральной могилы положение.

Единство погребального комплекса Бердянского кургана, состоявшего из трех практически одновременных катакомб, подчеркивается и наличием у них некоторых общих планировочных принципов.

В свое время В. Херц (1991) выявил явные закономерности в пропорциях некоторых скифских катакомб. Подтверждают эти наблюдения и материалы Бердянского кургана. Как выяснилось, размеры его катакомб кратны, приблизительно, 60-63 см. Мы пишем «приблизительно» потому, что подобные расчеты затруднены, во-первых, не всегда точными полевыми промерами и, во-вторых, естественным разрушением катакомб, которая нарушает их первоначальные размеры. С учетом этих оговорок и составлена таблица 1, где величина «х» равняется приведенной выше цифре. Возможно, в данном случае при разметке погребальных сооружений применялись стрелы, длина которых, согласно Е.Е. Черненко (1981, с. 23) колебалась от 44-45 до 80-85 см. Возможно, стрелы длиной около 60 см и были в горите «архитектора» Бердянского кургана.

Таблица 1.

	Название могилы	Входная яма	Камера
	Центральная	Ширина – 3,4 м (5,5 х) Длина – 4,4 (7 х) Глубина – 12,5 м (20 х)	Ширина – от 3,4 до 5,7 м (от 5,5 до 10 х) Длина – 5,8 м (10 х) Глубина – 15 м (24 х)
	Южная	Ширина – 1,9 (3 х) Длина – 3,9 (6,5 х) Глубина – 9,7 (16 х)	Диаметр – от 4,8 до 5,3 м (8 – 9 х) Глубина – 10,7 (18 х)
	Восточная	Ширина – 2 м (3 х) Длина – 3,1 м (5 х) Глубина – 5,9 (10 х)	Ширина – 3,3 м (6 х) Длина – 4,4 (7 х) Глубина – 5,9 (10 х)

Заключение

Одним из самых важных вопросов, связанных с изучением Бердянского кургана, является вопрос о датировке данного погребального комплекса.

Основываясь на дате керамики из этого памятника, в частности датировке факосских амфор, а также краснофигурной и чернолаковой керамики, исследователи датировали Бердянский курган концом первой – началом второй четверти IV в. до н.э. (Полін, Ковальов, Чередніченко 2000, с. 109). Е.Е. Фиалко (Фіалко 1998) уточняет эту дату до 380-375 гг. до н.э., а С.Ю. Монахов (Монахов 1999, с. 287) – до 370-365 гг. до н.э. Наиболее известный ныне специалист в области хронологии скифских памятников А.Ю. Алексеев (Алексеев 2003, с. 296) склонен датировать Бердянский курган, примерно, 380-365 гг. до н.э. Очевидно, на этой дате и следует остановиться при определении места Бердянского кургана в хронологической шкале памятников скифской знати.

Не менее любопытна и проблема, связанная с определением социального статуса представителя высшей скифской аристократии, погребенного в Центральной гробнице Бердянского кургана.

В этой связи нам придется еще раз вспомнить рассказ Геродота (IV, 78-80) о судьбе сыновей скифского царя (по-видимому, верховного) Ариапифа – Скила, Октамасада и Орика.

По версии Геродота, а, следовательно, и версии его скифских информаторов, Скил, занявший престол Ариапифа после смерти последнего, был рожден греческой женщиной и поэтому был подвержен влиянию греческих обычаев. Поэтому, посещая Ольвию, которая в то время находилась под протекторатом скифов, он оставлял своих сопровождающих за городскими стенами, переодевался в греческое платье, совершал жертвоприношения по обрядам эллинов и даже принимал участие в вакхических мистериях. Узнав об этом, скифы возмутились его преклонением чужеземным богам. Скил вынужден был бежать во Фракию, а его место занял Октамасад. Через некоторое время Октамасад обменял Скила на скрывающегося у скифов брата фракийского царя, после чего велел отрубить Скилу голову. Основываясь на этом эпизоде, повествующем об одном из проявлений династической борьбы внутри правящего скифского царского рода, Т.М.Кузнецова (Кузнецова 2012) смогла создать увлекательный и романтический археологический детектив.

Согласно ее мнению, Октамасад, сын Ариапифа и дочери фракийского царя Теряя, был погребен в кургане Солоха со всей царской пышностью, но во впускной могиле, поскольку был царем, узурпировавшем свою власть – почему оказался узурпатором – ведь он был, согласно Геродоту, провозглашен царем самими скифами, остается за рамками ее сюжета. Орик же, рожденный от Ариапифа и скифянки Опои в глазах скифов имел более высокий социальный статус как “чистокровный” скиф и поэтому, как можно догадаться по логике ее размышлений, также подвергся гонениям со стороны царя-узурпатора Октамасада. В результате Орик был вынужден удалиться в родные края своей матери – Северное Приазовье, где после его смерти и был сооружен курган как место последнего упокоения «несчастливого» Орика. Именно этот курган и стал известен по прошествию множества лет как Бер-

дьянский.

Отметим в этой связи, что ни об Орике, ни об Опии, кроме упоминания их имен Геродотом, мы ничего не знаем. К слову сказать, выводы Т.М. Кузнецовой неоднократно подвергались критике, прежде всего со стороны Ю.В. Болтрика и А.Ю. Алексеева.

Но нас больше занимает вопрос о том, был ли Бердянский курган действительно усыпальницей одного из скифских царей.

Вершину скифской пирамиды занимал верховный царь и его ближайшие сподвижники из числа высшей скифской аристократии. Среди них были цари двух менее значительных царств и владетели номов (под “номами”, вероятно, следует понимать крупные военно-племенные подразделения скифской орды). И “цари” и “номархи”, очевидно, были связаны своим происхождением с правящим скифским родом поскольку для скифов, вероятно, была характерна так называемая удельно-лестничная система престолонаследия, которая зиждилась на представлении о том, что власть принадлежала не одной правящей династии, а всему правящему (“золотому”) роду в целом.

В письменных источниках зафиксированы, главным образом, те имена верховных скифских властителей, которые отличались своей харизмой и воинским талантом. Именно им принадлежат величественные курганы, подобные Солохе, Чертомлыку, Огузу и др. Имена их более слабых соперников не сохранились в народной памяти скифов и, следовательно, не сохранились и в свитках древних рукописей, да и похоронены они, вероятно, не с такой величественной роскошью.

Достижение власти на уровне второстепенного “царства” или же нома определялось не только внутрдинастической борьбой среди многочисленных претендентов и настроем основной массы кочевников данного подразделения – “царства” или нома. На выбор их предводителей не могла не влиять политика верховного царя, естественно стремящегося закрепить узловые позиции в военно-административной системе не только за способными военачальниками и организаторами (говоря нынешним языком) из числа своих многочисленных родственников, но и за наиболее преданными ему лично лицами. Поскольку верховный царь Скифии непосредственно участвовал в распределении властных полномочий, а также, по нашему мнению, определял границы кочевий основных военно-политических подразделений скифской орды – прежде всего, трех “царств”, владетели которых, в свою очередь, определяли территорию кочевий подвластных им номов, в скифском раннефеодальном государстве не могла не возникнуть вассально-ленная система.

В этой связи нам очень импонирует мысль выдающегося французского медиевиста А. Блока (Блок 2003, с. 434), согласно которому в воинском сословии (а к его числу принадлежала практически вся мужская часть дееспособного населения скифской орды) феодальные отношения строятся на основе повиновения и покровительства – “патроната” иными словами, которые и определяют размер вознаграждений сюзерена своим вассалам.

Поскольку скифское государство было по своей сути экспансионистским, его главной функцией была внешняя эксплуатация подчиненных племен и народов в виде прямого военного грабежа, получения выгоды от контроля над торговыми путями и, прежде всего, наложения дани на покоренное земледельческое население Лесостепи (Хазанов 1975, с. 264).

Доля номархов в этой добыче определялась не только степенью их воинской доблести, но и численностью нома, а также положением последнего в социальной структуре скифской орды.

Поэтому и степень влияния и богатства номарха малочисленного нома, входившего в состав наименее привилегированного “царства” (“крыла”) могли очень заметно отличаться от влияния и богатства номарха в составе “главного царства” (“центра”) скифской орды, возглавляемого непосредственно верховным царем Скифии и объединяющим племена скифов-царских, считавших всех прочих скифов своими рабами (Геродот, IV, 20), а иногда и превосходить влияние и богатство предводителя наименее привилегированного (судя по всему – левого) “крыла” скифского кочевого объединения. Это не могло не сказываться на различиях в степени роскоши их погребального инвентаря.

Различными были и масштабы их погребальных сооружений, поскольку трудовые затраты на их возведение определялись, прежде всего, числом лиц, подвластных тому или иному номарху.

Едва ли мы можем сейчас точно уловить все эти нюансы, поэтому говорить о каких-то определенных критериях выделения погребений скифских второстепенных “царей” и номархов среди значительного массива курганов скифской аристократии (высота таких курганов составляет около 9 м – Гайманова и Толстая Могила, Бердянский курган и др.) по нашему мнению, будет чересчур самонадеянно (Мурзин 2015; Мурзин 2015).

Единственной подсказкой в этом плане, по нашему мнению, может служить количество коней “собственного седла” и состав их конской узды. Роскошные уздечные наборы соответствовали высокому статусу, но не самих коней, а погребенного в этом кургане человека (Очир-Горяева М.А., 2012, с.454).

В целом, основные критерии социального ранжирования курганов по этому признаку можно охарактеризовать таблицей 2, в основу которой положены наблюдения А.Ю. Алексева (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 143, табл. 2):

Как следует из этой таблицы, 2 коня “собственного седла”, обнаруженные в отдельной конской могиле Бердянского кургана, были снабжены бронзовыми деталями конской узды. Обнаруженные в Центральной могиле этого кургана золотые украшения конской узды можно не принимать во внимание, поскольку они, вероятно, были изготовлены специально для похорон, о чем говорит небрежность их исполнения, и, очевидно, не использовались по назначению при жизни погребенного в Центральной могиле. В этом плане мужчина, ради которого был воздвигнут Бердянский курган, соответствовал по своему статусу представителям высшей скифской аристократии, погребенным в курганах Мелитопольском, II Мордвиновском, Башмачке. Скорее всего, это был уровень скифских номархов и, соответственно, погребенный в Бердянском кургане владыка был одним из номархов скифов-царских, в зону кочевания которых входило и Северное Приазовье (Геродот IV, 20).

И, наконец, следует пару слов сказать о женщине, захороненной в Восточной могиле. Несомненно, само расположение ее могилы на периферии кургана подчеркивает ее зависимое положение по отношению к главному погребенному, что, в принципе, не удивительно – от него было зависимо все население того подразделения скифской орды, которым он правил.

Однако ее статус, несомненно, отличался от статуса женщины – то ли одной из жен, то ли наложниц, сопровождавшей своего владыку и положенной рядом с ним в Центральной могиле. О ее присутствии там свидетельствуют женские головные уборы, остатки которых были выявлены во время исследования Центральной могилы.

Социальное положение женщины в Восточной могиле было намного выше. Была ли она жрицей, как предполагают Н.Н. Чередниченко и Е.Е. Фиалко (Чередниченко, Фиалко 1988) – вопрос спорный, поскольку это предположение основывается лишь на находке бронзовых наверший. Но то что она занимала в своем кочевом подразделении высокое социальное положение (об этом свидетельствует отдельная гробница, сопровождавший ее слуга, богатый и разнообразный погребальный инвентарь), не вызывает сомнения. Также не вызывает сомнения, что она состояла в близком родстве с главным лицом, погребенным в Центральной могиле. Весьма заманчиво, учитывая ее преклонный возраст, было бы предположить (и подобные предположения уже делались), что она была его матерью. Однако мы не знаем возраста самого главного погребенного, а без сопоставления возраста мужчины, погребенного в Центральной могиле, и женщины из Восточной могилы, какие либо рассуждения на эту тему бессмысленны.

Вызывает любопытство и факт одновременного захоронения, а, следовательно, и примерно одно время смерти этих двух персонажей. Что послужило причиной их одновременной гибели – то ли эпидемия, то ли военный конфликт, остается только гадать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – Т. 1. – М. – Л., 1949. – 320 с.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. Историко-археологический очерк. – СПб, 1992. – 206 с.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.) . – К., 1991. – 416 с.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы, 2015. – С. 11-38.

Бессонова С.С., 1982 О скифских повозках // Древности степной Скифии. – К., 1983. –

С.102-117.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. - К., 1983. - 138 с.

Бідзіля В.І., 1971. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. – 1971. – № 1. – С.44-56.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К., 2012. – 752 с.

Блок А. Феодалное общество. – М., 2003. – 504 с.

Болтрик Ю.В. Исследование скифского кургана Тащенак // Вестник краеведа. – Запорожье, 1990. – № 1. – С.6-7.

Болтрик Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днестра) // СА. – 1990а. – №4. – С. 30-44.

Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 129-137.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // РА. – 1994. – №3. – С. 140-156.

Брашинский И.Б. Сокровища скифских царей: Поиски и находки. – М., 1967. – 128 с.

Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. – Л., 1979. – 144 с.

Волкобой С.С., Шалобудов В.Н., Лихачев В.А. Скифский могильник “Славянка” у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1979. – С. 45-61.

Волкобой С.С., Андросов А.В., Лихачев В.А., Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н. Скифские могильники IV-III вв. до н.э. юга Днепропетровской области // Курганы Степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1980. – С. 18-41.

Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. – Л., 1980. – 127 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М., 1997. – 271 с.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днестре // МИА. – 1954. – № 36. – 237 с.

Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. – 1962. – №115. – С.56-113.

Граков Б.Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСГЭ. – 1964. – Вып. 6. – С. 118-127.

Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. - М., 1961. – С. 22-25.

Грязнов М.П. Про так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961а. – С.139-144.

ДГС. – Т.2. – СПб., 1872. – 217 с.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – 272 с.

Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – 273 с.

Евдокимов Г.Л. Работы Краснознаменной экспедиции // АО 1980 г. – М., 1981. – С 247.

Ельников М.В., Мурзин В.Ю. Кочевники Украины. – К., 2016. – 278 с.

Жуковская Н.Л. Центральная Азия // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. – М., 1981. – С. 120-139.

Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. – 1984. – №4. – С. 35-45.

Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб., 2012. – 271 с.

Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию

// СЭ. – 1988. – № 5. – С. 38-48.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. – К., 1968.-188 с.

Іллінський А.О., Мурзін В.Ю. До історії вивчення Мелітопольського кургану // Археологія. – 1999. – №3. – С. 97-107.

Кламм М., Фиброк Г., Мейер Б. Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. – К., 1991. – С. 286-306.

Клочко Л.С. Реконструкция элементов скифского костюма из Бердянского кургана // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. – Тез. докл. научн. конф. – Днепропетровск, 1980. – С. 95.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. – К., 1989. – 336 с.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Нижнем Буге. – К., 1978. – С. 133-150.

Кузнецова Т.М. Бідолашний Орік // Археологія. – 2012. – №3. – С.45-51.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 5-22.

Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. – К., 1974. – 126 с.

Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М., 1984. – 262 с.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л., 1987. – 141 с.

Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. – №2. – 1965. – С. 160-173.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979. – 208 с.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. – К., 1991. – 131 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – 1964. – Вып. Д1-4. – 91 с.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. – М., 1981. – 112 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К., 1979. – 248 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972 – 1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К., 1980. – С. 70-154.

Мозолевский Б.Н. Скифский “царский” курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. – К., 1982. – С. 179-222.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. – К., 1983. – 198 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. – Саратов, 1999. – 679 с.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. – М., 1974. – 408 с.

Мурзин В.Ю. Об археологии с улыбкой. – К., 213. – 223 с.

Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. – К., 2014. – 119 с.

Мурзін В.Ю. Проблема визначення поховань скіфських номархів // Археологія. – 2015. – № 1. – С. 19-29.

Мурзин В.Ю. О погребениях скифских номархов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2015. – С. 61-71.

Мурзин В.Ю. О каменных “крепидах” скифских курганов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2016. – Т. XIX. – С. 94-112.

Мурзин и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. – К., 1997. – 23 с.

Мурзін В.Ю., Ролле Р. Основні підсумки сучасного дослідження кургану Чортомлик // Археологія. – 1989. – №1. – С. 91-101.

Мурзін В.Ю., Ролле Р., Скорый С.А. Дослідження Перещепинського курганного могильника // Археологія. – 1995. – №2. – С. 63-72.

- Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Архітектура Бердянського кургану // Археологія. – 1998а. – №2. – С. 82-93.
- Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Зброя з Бердянського кургану // Археологія. – 1998б. – №3. – С. 103-112.
- Мурзін В.Ю., Шлайфер В.Г. Скіфські сокири-скіпетри з Музею історії зброї у м. Запоріжжі // Історія зброї. – Запоріжжя, 2008 - №1. – С. 45-53.
- Огульчанський О.Я. Археологічні пам'ятки Північного Приазов'я // Археологія. – 1950. – Т.4. – С. 132-140.
- Огульчанський О.Я. Записки краєзнавця. – К., 1955.
- Огульчанский А.Я. Пленники Леванта. – Запорожье, 1960. – 52 с.
- Огульчанський О. Бухта солодкого коріння. – К., 1973. – 110 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. – М., 1991. – 256 с.
- Отрощенко В.В. Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников) . – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – К., 1981. – 21 с.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. – Москва, 2012. – 472 с.
- Папанова, В.А., Голик А.А., Калініченко К.О. Нариси з історії та археології Бердянського краю. – Бердянськ, 2016. – 191 с.
- Писларий И.И. и др. Исследования Северо-Донецкой экспедиции // АО. – 1977. – М., 1978. – С. 374.
- Полін С.В., Ковальов М.В., Чередніченко М.М. Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. – 2000. – №1. – С. 94-112.
- Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И. Двугорбая Могила // Древности Степной Скифии. – К., 1982. – С. 148-179.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1977. – 255 с.
- Росляков С.М. Кам'яна пам'ять України. – Миколаїв, 2008. – 305 с.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Л., 1925. – 624 с.
- Самоковасов Д.Я. Могилы Русской Земли. – М., 1908. – 284 с.
- Скорий С.А. Кочовики передскіфської та скіфської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії).- Автореф. дис. ... докт. іст. наук.- К., 1996. – 48 с.
- Скорий С.А. Курган Переп'ятиха. – К., 1990. – 123 с.
- Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 74-89.
- Спицын И.В. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачка Екатеринославского уезда // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 69-79.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – К., 1988. – 262 с.
- Фіалко Е.Е. Нагайка из Бердянского кургана // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1993. – № IV. – С. 197-200.
- Фіалко О.Є. До питання про дату Бердянського кургану // Музейні читання. – К., 1998. – С. 98-101.
- Херц В. Курган Чертомлык и некоторые закономерности в планировке скифских гробниц // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. – К., 1991. – С. 320-323.
- Чередниченко Н.Н. Отчет о раскопках Бердянского кургана 1977-1978 гг. // НА ИА НАНУ. – 1977-78/ 9^а. – 41 с.
- Чередниченко М.М., Мурзін В.Ю., 1996. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. – 1996. – №1.
- Чередниченко Н.Н., Фіалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. –

1988. – №2. – С. 149-167.

Черненко Е.А. Скифские лучники. – К., 1991. – 168 с.

Черненко Е.В., Мурзин В.Ю. Курганы скифских царей. Из истории исследований // Вестник АН СССР. – 1982. – №11. – С. 101-112.

Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. – Т. I. – Львів: Світ, 1990. – 319 с.

Яценко И.В. Скифские погребения близ Ногайска // ВДИ. – 1956. – №1. – С. 157-165.

Gauglitz E., Jager G., Jager W. Bautechnische Einschätzungen des Certomliks-Kurgans aus der Sicht des modernen Ingenieurs // Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. Königskurgan Certomlik. – Bd.II. – Mainz, 1998.

<http://www.kerch-museum.com/userfiles/Gavrilov.pdf>

Rolle R. Totenkult der Skythen. – Teil I,1; I,2. – Berlin-New-York, 1979.

Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. Königskurgan Certomlik. – Bd.I, Bd.II. – Mainz, 1998.

The golden deer of Eurasia. – Yale University Press, 2001. – 303 p.

Zeller K.W. Kriegswesen und Bewaffnung der Kelten // Die Kelten in Mitteleuropa. Kultur. Kunst. Wirtschaft. Salzburg landesausstellung im Keltenmuseum hallein Osterreich.-Salzburg,1980. – S. 111-132.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВДИ - Вестник древней истории

ДГС - Древности Геродотовой Скифии

ИАК - Известия археологической комиссии

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

РА - Российская археология

СА - Советская археология

СЭ - Советская этнография

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Курганы высшей скифской аристократии на территории степного Северного Причерноморья. 1 – Александропольский; 2 – Краснокутский; 3 – Чертомлык; 4 – Толстая Могила; 5 – Желтокаменка; 6 – Бабина Могила; 7 – Солоха; 8 – Лемешев; 9 – Верхний Рогачик; 10 – Большая Цимбалка; 11 – Гайманова Могила; 12 – Козел; 13 – Огуз; 14 – Бердянский; 15 – Куль-Оба.

Рис. 2. Узда коня из Бердянского кургана. Раскопки А.Я. Огульчанского. Экспозиция Бердянского краеведческого музея.

Рис. 3. Узда коня из Бердянского кургана. Раскопки А.Я. Огульчанского. Экспозиция Бердянского краеведческого музея (деталь).

Рис. 4. Узда коня из Бердянского кургана. Раскопки А.Я. Огульчанского. Экспозиция Бердянского краеведческого музея (деталь).

Рис. 5. Узда коня из Бердянского кургана. Раскопки А.Я. Огульчанского. Экспозиция Бердянского краеведческого музея (деталь).

Рис. 6. Начало работ во входной яме Центральной могилы.

Рис. 7. М. Коваленко (слева) и Р. Скибинский (справа) на раскопках Гаймановой Могилы.

Рис. 8. Р. Скибинский (слева) в Центральной могиле Бердянского кургана.

Рис. 9. Крепление входной ямы Центральной могилы металлическим швеллером.

Вид снизу.

Рис. 10. Крепление входной ямы Центральной могилы с помощью полуарок. Вид сверху.

Рис. 11. План Бердянского кургана. Условные обозначения: а – границы выкида из Центральной и Южной могил.

Рис. 12. Разрез центрального профиля Бердянского кургана. Вид с востока (а); А – разрез погребальной дорожки. Вид с запада; Б – разрез погребальной дорожки. Вид с востока. Условные обозначения: 1 – светлая глина; 2 – темная глина; 3 – камка; 4 – погребенный чернозем. По: Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, рис. 2.

Рис. 13. Реконструкция возможного первоначального облика Бердянского кургана

Рис. 14. Центральная могила Бердянского кургана. План и разрез.

Рис. 15. Амфоры в Центральной могиле Бердянского кургана.

Рис. 16. Дипинты на амфорах из Бердянского кургана.

Рис. 17. Оксифаф и скифосы из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 18. Скопление золотых бляшек в Центральной могиле Бердянского кургана.

Рис. 19. Женский головной убор из Центральной могилы Бердянского кургана. Реконструкция Л.С.Ключко.

Рис. 20. Золотые украшения конской узды из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 21. Костяные и бронзовые наконечники стрел из колчанного набора №1 Центральной могилы.

Рис. 22. Мечи из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 23. Золотая обивка чаши из Центральной могилы Бердянского кургана во время расчистки.

Рис. 24. Наконечники копий и дротика из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 25. Бронзовый обушок биметаллического клевца из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 26. Рукоять кельтского меча из Закарпатья.

Рис. 27. Развертка изображения на серебряном кубке из Частых курганов.

Рис. 28. Фигура скифского бога Папая на бронзовом навершии с Лысой Горы.

Рис. 29. Золотая оковка “оселка” из Центральной могилы Бердянского кургана.

Рис. 30. Оселок из кургана Куль-Оба.

Рис. 31. Центральная и Южная могилы. Рабочий момент.

Рис. 32. План и разрез Южной могилы Бердянского кургана. 1- костяное украшение нагайки; 2,3 – бронзовые котлы; 4- железный киаф; 5-7 – черепа и челюсти животных (по: Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, рис. 9). 1 – Резное навершие рукояти нагайки; 2-3 – бронзовые котлы; 4 – железный киаф; 5-7 – челюсти и черепа животных.

Рис. 33. Костяное навершие рукояти нагайки.

Рис. 34. Протома волка на сакском (?) каменном ноже.

Рис. 35. Гравированное изображение волка на костяном предмете из с. Абрамовка.

Рис. 36. План и разрез Восточной могилы.

Рис. 37. Железные детали колеса из Восточной могилы. Экспозиция Бердянского краеведческого музея.

Рис. 38. Вещи из заполнения входной ямы и заполнения камеры Восточной могилы (по: Чередниченко, Фиалко 19888, рис. 3). 1, 17 – бронзовые наконечники стрел; 2-12, 23, 24 – золотые украшения; 13 – свинцовое украшение; 14 – фрагменты бронзовой бляхи; 15 – свинцовое пряслице; 16 – фрагментированная ручка серебряного кили-

ка; 18 – фрагменты свинцового стержня; 19 – фрагменты железных гвоздей; 20-22 – фрагменты краснофигурных сосудов; 25 – краснофигурный скифос; 26 – бронзовые гвозди.

Рис. 39. Вещи из тайника №1 Восточной могилы (по: Чередниченко, Фиалко 19888, рис. 6). 1-2 – бронзовые навершия; 3-4 – бронзовые нащечники; 5-6 – бронзовые на-носники; 7 – план и разрез тайника; 8 – золотой браслет.

Рис. 40. Бронзовое навершие из тайника №1 Восточной могилы. Экспозиция Бердянского краеведческого музея.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Каталог находок из Бердянского кургана
(составители Е.П. Подвысоцкая, Ю.А. Белан)

Насыпь

1. Амфор красноглиняных фрагменты. № ПАЭ 1977-78/4, 8, 2, 13 :

- а) обломок ручки с пальцевым вдавлением. Найден в юго-западной поле кургана;
- б) обломок ножки (Гераклея). Найден в юго-восточной части крепиды;
- в) обломки стенок (3 экз.). Найдены в южной и северной полах кургана.

2. Обломки панциря (2 экз.). Железо, 2,5 x 2,9 см; 2,9 x 2,9 см. № ПАЭ 1977-78/1.

Фрагменты состоят из заходящих одна за другую прямоугольных пластин, размерами 1,5 x 2,7 см. На одной пластине возле верхнего края два круглых отверстия.

3. Обломок бляхи. Бронза, 2,9 x 2,8 см. № ПАЭ 1977/9. Круглой формы, слегка выпуклая, диаметром 4 см.

4. Кремень.

Погребение № 4

5. Кольцо. Бронза, диаметр 1,8 см, диаметр отверстия 1,3 см. № ПАЭ 1977/3. Биконической формы.

Конская могила

6. Удила с псалиями (4 экз.). Бронза, железо:

а) удила, железо,ковка, длина 16,7 см. Двучастные грызлы с загнутыми в петли окончаниями;

б) псалии, бронза, литье, длина в изогнутом состоянии 11,8-13,0 см, С-видные, с восьмеркообразным расширением посередине и отходящими от внешних краев утолщенные отрезками; на концах стержней конические шляпки.

7. Наносники (4 экз.). Бронза, литье, длина 4,2 см, высота 3,2 см. В виде головы животного с длинными ушами, уплощенные, с пластиной-основанием, моделированной как полурозетка, и со сквозным отверстием в основании шеи.

8. Нащечники (8 экз.). Бронза, литье, длина 4,5 см, ширина 3,0 см. В виде стилизованных задних лап животного с литой петлей на обороте.

9. Бляхи (16 экз.) Бронза, литье, диаметр 3,8 см. Круглые, выпуклые с литой петлей на обороте.

10. Кольца (4 экз.). Бронза, литье, диаметр 5,0-5,2 см. Круглого сечения, с выступом в виде круглой шишечки для ремня.

11. Кольца (24 экз.). Бронза, диаметр 2 см; 2,7 см, толщина 0,4 см; 0,8 см.

12. Ворварки (8 экз.). Бронза, литье, диаметр основания 2 см, высота 0,9 см. В виде усеченного конуса.

13. Бляха нагрудная (1 экз.). Бронза, железо,ковка, высота 5,2 см, ширина 4,2 см. Сегментовидная, с остатками железного стержня, длиной 3,5 см.

Центральная Могила

Входная яма

14. Обломок бусины. Стекло, 0,9 x 1,0 см. № ПАЭ 1977/109. Форма не восстанавливается, поверхность сколота. Посередине – круглое сквозное отверстие диаметром 0,3 см, с остатками белой пасты.

15. Раковины с ребристой поверхностью (2 экз.). № ПАЭ 1977/110.

Грабительский ход

16. Амфора фасосская биконическая. Глина, высота 75 см, диаметр венчика 10,5 см. № ПАЭ 1977/138. На горлышке нанесен красной краской знак в виде креста “X”. Склеена из фрагментов.

17. Амфор красноглиняных фрагменты. № ПАЭ 1977/20, 138.

а) обломки стенок (6 экз.);

б) обломки ножки и стенок (8 экз.). Фасос ?

Фрагменты амфор, вероятно, происходят из центральной камеры и находились возле погребения “виночерпия”.

18. Удила. Железо,ковка, длина 23,3 см. № ПАЭ 1977-78/6. Двучастные грызлы с загнутыми в петли окончаниями.

19. Наносник (1 экз.). Бронза, литье, Длина 2,8 см, высота 2,3 см. № ПАЭ 1977/137. В виде головы ушастого фантастического существа (грифон?) на узком основании, один конец которого моделирован в форме полурозетки, со сквозным отверстием на шее.

20. Бляхи уздечные малые (2 экз.).

Бляхи уздечные малые, круглые, выпуклые, плакированные золотым листом,

с петлей на обороте. У одной из них (АЗС-3071/6) бронзовая основа корродирована, плакировка с разрывами, петля утрачена.

Бронза, золото, 5000, вес: 8,57 г, 13,77 г, литье, плакировка.

Диаметр 3,5 см.

МИДУ, АЗС-3071/6,8.

Такие же найдены на дне камеры, у южной стенки камеры, кат. 59,6; 60,1.

21. Ворварка.

Ворварка в виде усеченного конуса, плакированная золотым листом.

Бронза, золото, 5000, вес: 5,03 г, литье, плакировка.

Диаметр основания 1,9 см, высота 0,9 см.

МИДУ, АЗС-3072/3.

Такие же найдены на дне камеры, у южной стенки камеры, кат. 59,5; 60,2; 75.

22. Нащечник (фрагментированный)

Нащечник пластинчатый в форме крыла птицы. От основной поверхности пластины, разделенной вдавленными линиями, имитирующими перья, сохранилась только третья часть. Черенок отсутствует. Края загнуты, в них пробиты отверстия для крепления гвоздиками к деревянной основе.

Золото 5000, вес: 2,86 г, тиснение.

В 6-ти обломках, длина наибольшего фрагмента 8,2 см.

МИДУ, АЗС-3062.

Такие же найдены на дне камеры, у южной стенки камеры, кат. 73.

23. Наконечник копья. Железо, ковка, длина 43 см, максимальная ширина пера 4,7 см, диаметр втулки 3,5 см. № ПАЭ 1977-78/126. Наконечник с листовидным пером без ребра и длинной конической втулкой с валиком по нижнему концу. Во втулке остатки древка.

24. Обломок втулки наконечника копья. Железо, длина 3,2 см, диаметр 3 см. № ПАЭ 1977-78/123. На внутренней стенке остатки древка.

25. Наконечники стрел (5 экз.). Бронза, литье. № ПАЭ 1977/116. Представлены несколькими типами:

1) трехлопастные с длинной втулкой и сравнительно небольшой головкой, концы лопастей заострены (3 экз.), длина 3 см; во втулках сохранились остатки древков;

2) трехгранный с короткой втулкой и П-образным ложком на 2/3 длины пера, длина 2,7 см.

3) трехгранный со скрытой втулкой, длина 2,2 см.

26. Панцирь чешуйчатый (380 мелких обломков). Железо. № ПАЭ 1977-78/112. Среди его обломков можно выделить:

а) фрагменты продолговатых пластин с прямоугольным верхним концом и округлым нижним размерами 1,5 x 2,2-2,5 см; на некоторых просматриваются отверстия по верхнему краю;

б) фрагменты прямоугольных пластин с закругленными нижними углами размерами 1,5 x 3 см, на некоторых просматриваются отверстия сверху или вдоль левой, или правой сторон, нижний край у некоторых чешуек слегка загнут внутрь.

Такие же обломки более крупных размеров находились на дне камеры возле погребения "охранника", кат. 54.

27. Гвозди (4 экз.). Золото, 5830, вес: 0,23 г, 0,26 г, 0,26 г, 0,26 г, ковка, длина 0,8-1,0 см, диаметр шляпки 0,5-0,7 см. МИДУ, № АЗС-3054/1-4. С полусферической шляпкой и коническим стержнем, свернутым из золотого листа, конец стержня согнут под прямым углом.

28. Обломок бляхи. Бронза, 1,6 x 1,2 см. № ПАЭ 1977-78/19. Несколько выгнут, веро-

ятно, от круглой бляхи диаметром 4,0 см.

29. Пронизь. Бронза, длина 1,0 см, диаметр 0,8 см. № ПАЭ 1977-78/15. В виде цилиндра с вогнутыми стенками.

30. Ножи (2 целых экз. и 28 фрагментов). Железо, кость,ковка, выпилка, полировка. № ПАЭ 1977-78/140.

1. Нож, длина 27,5 см, максимальная ширина лезвия 3,3 см, ширина рукояти – наибольшая 2,4 см. Однолезвийный клинок с горбатой спинкой и почти прямым лезвием вставлен в рукоять, состоящую из двух пластин, сужающихся к середине без резко выделенных граней. Лезвие закреплено тремя железными сквозными заклепками. Пластинки также скреплены между собой тремя железными заклепками.

2. Нож, длина 16,5 см, максимальная ширина лезвия 3,5 см, ширина рукояти до 2,5 см. Однолезвийный с горбатой спинкой, с коротким почти прямым лезвием, конец которого обломан. Рукоять восьмигранная, сплошная с распилом, в который вставлено лезвие, закрепленное 4-мя железными сквозными заклепками.

3. Рукояти (5 экз.), длина 11,4-13,0 см, ширина наибольшая 1,9-2,4 см. Из двух половинок трапецевидного сечения, сужающихся к середине, скреплены при помощи 5-ти, одна – двух железных заклепок, еще три заклепки закрепляли клинок. В 4-х рукоятях сохранились обломки лезвий.

4. Рукояти (10 экз.), длина 11,4-12,0 см, ширина наибольшая 2,0-2,7 см. Сплошные восьмигранные, сужающиеся к середине, с распилом для клинка. Обломки клинка в восьми рукоятях закреплены тремя и четырьмя железными сквозными заклепками.

5. Обломки рукоятей (2 экз.), ширина наибольшая 2,2 см. Сплошные, уплощенные, на одном слегка обозначены грани.

6. Обломки лезвий (11 экз.), сохранившаяся длина 7,0-8,8 см, ширина 2,2-3,2 см.

31. Деталь наборного веретена. Кость, диаметр 1,9 см, диаметр отверстия 0,7 см, толщина 0,4 см. № ПАЭ 1977-78/136. Круглая пластина с отверстием посередине.

32. Скифос краснофигурный (18 обломков). Глина, высота 10,5 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр дна 7,5 см. № ПАЭ 1977-78/5. Венчик отогнут наружу. Стенки в верхней части слегка выпуклые, сужаются ко дну, с двумя горизонтальными ручками, из которых сохранилась одна. Дно в цвете глины, в центре – два концентрических кружка. Под ручками изображены пальметты, на одном из фрагментов – обнаженная фигура юноши с вытянутыми вперед руками, в правой он держит тимпан. Вторая-третья четверть IV в. до н.э. Аттика.

Согласно тексту отчета, четыре скифоса находились в центральной камере возле погребения “виночерпия”, рядом с кратером и амфорами.

33. Скифос чернолаковый. Глина, высота 10 см, диаметр венчика 10,4 см, диаметр дна 5,4 см. № ПАЭ 1977-78/141. Венчик отогнут наружу, тулово слегка расширяется, затем довольно резко сужается, с невысоким кольцевым поддоном, на наружной стороне доньшка – две концентрические окружности. Небольшие горизонтальные ручки крепились под венчиком, сохранилась одна. Лак черный, тусклый, местами облупился. Склеен из фрагментов. Вторая четверть IV в. до н.э. Аттика.

34. Скифос краснофигурный. Глина, высота 10,4 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр дна 7,6 см. № ПАЭ 1977-78/142. Венчик слегка отогнут наружу, тулово расширяется в верхней части, затем сужается, доньшко снабжено невысоким кольцевым поддоном, отделенным от тулова полосой в цвете глины, на наружной стороне – две концентрические окружности. Небольшие горизонтальные ручки прикреплены под венчиком, одна сохранилась наполовину. С двух сторон на сосуде представлены одинаковые сцены: две мужские фигуры в длинных гиматиях, стоящие друг против друга, левый с поднятой вверх рукой. Под ручками изображены пальметты, обрамлен-

ные ветвями с волютами, доходящими до фигур. Роспись беглая, небрежная. Волосы, глаза, губы, складки одежды переданы очень схематично. Реставрирован. Сюжет и композиция близки многочисленным скифосам с изображением палестритов, известным из раскопок античных городов. Вторая-третья четверть IV в. до н.э.

35. Скифос краснофигурный. Глина, высота 11 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 7,6 см. № ПАЭ 1977-78/143. Аналогичен кат. 34.

36. Скифос краснофигурный. Глина, высота 10,7 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 8 см. № ПАЭ 1977-78/144. По форме аналогичен кат. 34. С одной стороны на сосуде изображена женская голова в профиль, обращенная вправо, в головном уборе. IV в. до н.э. Аттика.

37. Бусина. Стекло, 1,6 x 1,1 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,3 см. № ПАЭ 1977/119. Овальной формы синего цвета, с четырьмя белыми глазками и голубой сердцевинкой.

38. Бусина. Кость, резьба, сверление, длина 0,9 см, диаметр 0,8 см. № ПАЭ 1977/18. Цилиндрической формы, со сквозным отверстием посередине и отверстием в стенке на 1/2 толщины бусины.

39. Кольцо (1 экз.). Серебро, золото (?), диаметр 1,5. № ПАЭ 1977/117. Из круглой в сечении проволоки со спаянными концами, украшено напаянными золотыми (?) шариками.

40. Пластины с изображением сфинкса (10 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением сфинкса (?) с мужской головой в зубчатой короне, сидящего в профиль влево. По краю рамка из псевдозерни. На обороте в углах напаяны петли для нашивания.

Золото 5830, петли 3750, вес: 1,33-1,62 г, тиснение.

2,5 x 2,1 см.

МИДУ, АЗС-3056/1-10.

Такие же найдены на дне камеры, кат. 103.

41. Пластины с изображением льва (9 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением льва с широко раскрытой пастью, лежащего в профиль влево. По краю рамка из псевдозерни. На обороте в углах напаяны проволочные петли.

Золото 5830, вес: 0,94-1,05 г, тиснение.

2,2-2,3 x 1,8-2,0 см.

МИДУ, АЗС-3053/1-9.

Пять таких же пластин найдено на дне камеры, кат. 102.

42. Пластина с изображением оленя.

Пластина четырехугольная с изображением оленя сидящего в профиль влево с повернутой назад головой. По краю рамка из псевдозерни. На обороте в углах напаяны петли для нашивания.

Золото 5830, вес: 1,33 г, тиснение.

2,4 x 2,0 см.

МИДУ, АЗС-3057.

43. Обломок пластины. Золото, 5000, тиснение, 5,3 x 3,5 см. МИДУ, АЗС-3091. С рельефным орнаментом. Вдоль сохранившегося края пробиты с лицевой стороны круглые отверстия, в одном из которых сохранился обломок железного гвоздя. Возможно, служила обивкой конского налобника.

44. Пуговицы полусферические (51 экз.).

Пуговицы полусферические с пластинчатой петлей на обороте.
Золото 5830, вес: 0,21-0,23 г, штамповка.
Диаметр 0,7 см.
МИДУ, АЗС-3055/1-51.
Такие же пуговицы (5 экз.) найдены на дне камеры, кат. 112.
45. Пластины крестовидные (3 экз.).

Пластины крестовидные в виде пяти соединенных кружков с выпуклостью в центре каждого из них. На обороте сохранились остатки четырех петель для нашивания, на одной дополнительно пробиты отверстия.

Золото 5000, вес: 0,6 г, тиснение.

1,6-2,0 x 1,6-2,0 см.

МИДУ, АЗС-3061/1-3.

Такие же пластины (566 экз.) найдены на дне камеры, кат. 111.

46. Пластины в виде треугольника, украшенного псевдозернью (66 экз.).

Представлены тремя вариантами:

а) пластина в виде равнобедренного треугольника. На обороте по углам напаяны проволочные петли, а в местах их утери пробиты отверстия для нашивания.

Золото 5000, вес: 0,64 г, тиснение.

Длина стороны – 2,2 см, высота 2,4 см.

МИДУ, АЗС-3060/1.

Такие же найдены на дне камеры, кат. 109,1.

б) пластина в виде равностороннего треугольника. По углам пробиты отверстия для нашивания.

Золото 5000, вес: 0,31 г, тиснение.

Длина стороны – 1,4 см.

МИДУ, АЗС-3058/1.

Такие же найдены на дне камеры, кат. 109,3

в) пластины в виде маленького равностороннего треугольника. На обороте по углам напаяны проволочные петли, а в местах их отсутствия пробиты отверстия для нашивания.

Золото 5830, вес: 0,21 г (одной), тиснение.

Длина стороны – 0,8 см.

МИДУ, АЗС-3059/1-64.

Такие же пластины (400 экз.) найдены на дне камеры кат. 99,6 и, вероятно, относились к головному убору

47. Гвозди (4 экз.). Золото, 5830, ковка, пайка, высота 0,8-1,0 см, диаметр шляпки 0,5-0,7 см. № ПАЭ 1977-78/133. С полусферической шляпкой и коническим стержнем, свернутым из золотого листа, конец стержня согнут под прямым углом.

48. Обломки (9 экз.). Серебро?, размеры наибольших: 2,2 x 1,2 см; 2,2 x 1,6 см. № ПАЭ 1977-78/115. Слегка выпуклые, один с рифлением и один согнут в уплощенную трубочку.

49. Астргалы (13 экз.). Кость, 3,2-3,6 x 1,9-2,3 см. № ПАЭ 1977-78/14, 113.

Заполнение камеры

50. Наконечники стрел (542 экз.). Бронза, кость, длина 2,6-3,3 см. № ПАЭ 1977-

78/149.

1. Трехлопастные с выступающей втулкой, с ложком до острия 39 экз.). Аналогичны кат.

2. Трехгранные с выступающей короткой втулкой, обозначенной на гранях углублениями (485 экз.). Из них некоторые фрагментированы, окислены. Аналогичны кат.

3. Пулевидные костяные с внутренней втулкой и ровно обрезанной основой (16 экз.). Аналогичны кат.

В некоторых втулках сохранились остатки древков, а также отдельно 53 экз., некоторые с прилипшей глиной и остатками ткани.

51. Ворварка. Бронза, литье, высота 0,7 см, диаметр 1,8 см. № ПАЭ 1977-78/145. В виде усеченного конуса.

52. Пластины нагрудные от уздечного набора. Бронза, железо, длина 6,0 см, сохранившаяся ширина 4,2 см. Две фрагментированные пластины, заходящие одна за другую, прямоугольной формы с треугольным верхним краем, с круглыми отверстиями, в которых сохранились обломки железных цепочек.

53. Пластины панцирные (15 экз.). Бронза, 3,4 x 1,6 см. Прямоугольные с двумя отверстиями по нижнему и верхнему краям, фрагментированы.

Дно камеры

Погребение охранника

54. Панцирь чешуйчатый (150 обломков). Железо, размеры пластин 1,5 x 2,2 см; 1,5 x 2,5 см; 1,5 x 3,0 см; 1,8 x 3,2 см. № ПАЭ 1977-78. Пластины по форме и размерам аналогичны кат. 26. При наборе пластин применялись два принципа размещения их на основе – левый и правый. Чешуйки были нашиты на кожаную основу – на некоторых сохранились остатки кожи, пропитанные окисью железа, горизонтальными рядами снизу вверх. Каждый верхний ряд немного смещен в сторону так, что верхняя пластина перекрывает стык между двумя чешуйками верхнего ряда.

Погребение виночерпия

55. Амфоры фасосские биконические (14 экз.). Глина, высота 70-80 см, диаметр венчика 10,5-10,7 см. № ПАЭ 1977-78/160-163, 216, 217.

56. Кратер краснофигурный (склеен из обломков). Глина, высота 35 см, высота ножки 8,5 см, диаметр венчика 36,5 см. № ПАЭ 1977-78/198. Венчик отогнут наружу, тулово яйцевидной формы с двумя горизонтальными ручками. Ножка высокая, прямая переходит в высокий широкий кольцевой поддон слегка профилированный. По краю венчика нанесен волнообразный орнамент. Под венчиком располагается краснофигурный поясok из лавровых листьев. Ручки круглые в сечении, покрыты лаком, у основания расположен краснофигурный орнамент из ов. Под ручками две пальметты – одна над другой. На одной стороне вазы изображена композиция из пяти фигур. Центральная женская фигура покрыта белой краской. Данный сюжет связан с культом Диониса. На противоположной стороне вазы изображены три мужские фигуры в плащах. Две фигуры повернуты друг к другу, третья со стригилем в вытянутой руке. Под рисунком идет полоса меандра, прерывающаяся шашечным орнаментом. Ниже декор в виде полуов. Аттика. V в. до н.э.

57. Флейта (8 обломков). Железо, дерево, сохранившаяся длина стержней 3,3 см; 8,3 см; 8,5 см; 9,2 см; 11,4 см; 11,5 см; скобы: ширина щитка 1,2 см, длина в согнутом состоянии 2,3-2,7 см, ширина 2,9 см. № ПАЭ 1977-78. Состоит из шести обломков стержней круглого и один четырехгранного сечения. На всех остатки дерева. Две скобы представляют собой щитки овальной формы с согнутыми под прямым углом утонченными концами.

58. Щипцы (фрагментированы). Железо,ковка, сохранившаяся длина 25 см. № ПАЭ

1977-78. Изготовлены из четырехгранного стержня толщиной 1,0 x 1,2 см, перегнутого посередине с образованием кольца. Концы обломаны. Взяты монолитом вместе с глиной.

Вещи, найденные вдоль стенок камеры

59. Уздечный набор № 1.

1. Обломки удила (5 экз.). Железо, ковка, длина 2,3-5,2 см. ПАЭ № 1977-78/191. В виде стержней с загнутыми в петли окончаниями. Аналогичны кат. 18.

2. Псалии (2 экз.). Бронза, литье, длина 11,8-12 см. ПАЭ № 1977-78/192. С-видные, с восьмеркообразным расширением посередине, от внешних краев утолщений отходят отростки раздвоенные на концах. На концах стержней грибовидные шляпки.

3. Кольцо. Бронза, диаметр внешний 2,6 см. ПАЭ № 1977-78/189.

4. Ворварка лейковидная. Бронза, литье, наибольший диаметр 1,9 см, высота 0,7 см. ПАЭ № 1977-78/190.

5. Ворварка.

Ворварки в виде усеченного конуса, плакированные золотым листом.

Бронза, золото, 5000, вес: 4,5 г, литье, плакировка.

Наибольший диаметр 1,9 см, высота 0,9 см.

МИДУ, АЗС-3072/1.

Аналогичны кат. 21; 60,2; 75.

6. Бляхи уздечные (6 экз.), бронза, золото, 5000, литье, плакировка.

а) бляхи уздечные выпуклые, малые, плакированные золотым листом, с литой петлей на обороте.

Вес: 13,0 г; 11,8 г.

Диаметр 3,3 см.

МИДУ, АЗС-3071/1-2.

Аналогичны кат. 60,1а.

б) бляхи уздечные выпуклые, большие, плакированные золотым листом, с литой петлей на обороте.

Вес: 16,0 г; 22,8 г, 10,47 г, 22,63 г.

Диаметр 4 см.

МИДУ, АЗС-3071/3-4,5,7.

Аналогичны кат. 60,1б.

60. Уздечный набор № 2. Бронза, золото, 5000.

1. Бляхи уздечные (4 экз.). Бронза, золото, 5000, литье, плакировка:

а) бляхи уздечные выпуклые, малые, плакированные золотым листом, с литой петлей на обороте. У двух блях (АЗС-3071/9,10) утеряна середняя часть петли.

Бронза, золото, 5000, литье, плакировка.

Вес: 12,20 г, 14,72 г.

Диаметр 3,3 см.

МИДУ, АЗС-3071/9-10.

Аналогичны кат. 59,6 а.

б) бляхи уздечные выпуклые, большие, плакированные золотым листом, с литой петлей на обороте.

Бронза, золото, 5000, литье, плакировка.

Вес: 20,12 г, 20,27 г.

Диаметр 4 см.

МИДУ, АЗС-3071/11-12.

Аналогичны кат. 59,6 б.

2. Ворварка.

Ворварка в виде усеченного конуса, плакированная золотым листом.

Бронза, золото, 5000, вес: 3,8 г, литье, плакировка.

Наибольший диаметр 1,9 см, высота 0,8 см.

МИДУ, АЗС-3072/3 2.

Аналогична кат. 21; 59,5 и 75.

3. Бляха. Бронза, литье, диаметр 4,1 см. Круглая с литой петлей на обороте.

61. Детали уздечных наборов № 1-2.

1. Обломки цепочек (13 экз.). Железо, сохранившаяся длина 2,2-2,6 см. № ПАЭ 1977-78/187,195. Каждое проволочное звено в виде восьмерки. Предназначались для подвешивания нагрудных пластин.

2. Пластины нагрудные (18 экз.). Бронза. № ПАЭ 1977-78/188,196. Представлены несколькими видами: а) трапециевидные (10 экз.) с закругленным основанием, с отверстием в верхней части, в четырех сохранились обломки железных цепочек; высота 4,6-6,5 см, ширина основания 5,1-6,3 см, диаметр отверстия 0,3 см; б) сегментовидные (6 экз.), в отверстии одной пластины сохранился обломок цепочки; высота 5,1-5,3 см, ширина основания 6,7-7,2 см, диаметр отверстия 0,3 см; в) яйцевидной формы с двумя отверстиями в верхней части. Высота 6 см, ширина 4,1 см; г) обломок круглой пластины с двумя отверстиями возле края. Ширина 9,5 см.

62. Удила (17 обломков). Железо, ковка, длина наибольшего 12,6 см. № ПАЭ 1977-78. Аналогичны кат. 18; 59,1.

63. Крючки (1 экз. фрагментированный, 4 обломка). Железо, ковка, длина 4,5-14,8 см. № ПАЭ 1977-78. Изготовлены из стержней четырехгранного и круглого сечения. Один конец загнутый, другой оформлен в виде шляпки, у целого на обоих концах шляпки. На некоторых сохранились остатки ткани, или кожи, пропитанные окисью железа.

64. Гвозди (9 обломков). Железо, ковка, длина 2,5-7,9 см. № ПАЭ 1977-78. Изогнутые со шляпками, круглого сечения и прямые стержни с заостренными концами, четырехгранные в сечении.

65. Скоба фрагментированная. Железо, ковка, высота 5,8 см. № ПАЭ 1977-78. Изготовлена из четырехгранного стержня.

66. Обломки стержней круглого сечения (17 экз.). Железо, длина 1,2-16 см. № ПАЭ 1977-78.

67. Обломки колец (8 экз.). Железо, диаметр 11,5 см. № ПАЭ 1977-78.

68. Обломки (10 экз.). Железо. № ПАЭ 1977-78. Фрагменты стержней сильно окислены и склеились между собой.

69. Фрагменты стержней (3 экз.). Железо, ковка, длина 11,2-17,2 см. № ПАЭ 1977-78. Четырехгранного сечения, два с расклепанными концами и, возможно, отверстием в центре, третий с загнутым в виде петли зауженным концом.

70. Обломок круглой бляхи. Железо, 3,4 x 1,4 см, толщина 0,3 см. № ПАЭ 1977-78.

71. Наносник.

Наносник в виде скульптурной головки животного с длинными ушами (лосенок?), расположенного на фигурной пластине-основании, один конец которой оформлен в виде пальметты. В нижней части скульптурки в основании шеи животного – сквозное отверстие.

Золото, 5000, вес: 27,46 г, литье.

Высота 2,6 см, длина основы 3 см, ширина 0,8-1,4 см, диаметр отверстия 0,7 см.

МИДУ, АЗС-3064.

72. Налобник.

Налобник в виде пластины продолговатой формы несколько расширенной в верхней части. Украшен рельефными изображениями 5 фигур животных, разделенных на три группы: сцена терзания оленя пантерой, борьба оленя со львом и одиночная фигура пантеры. Края загнуты, в них пробиты отверстия для гвоздиков, скреплявших ее с основой.

Золото, 5000, вес: 47,16 г, тиснение.

Длина 42,8 см, ширина 4,3-9,3 см.

МИДУ, № АЗС-3063.

73. Нащечники (3 экз.).

В виде стилизованного крыла птицы, края загнуты, с отверстиями для гвоздиков. Основная поверхность пластины разделена вдавленными линиями на шесть продольных плоскостей, которые имитируют перья. У двух из них верхняя часть – черешок – оформлена в виде человеческой головы (выделены прическа, миндалевидные глаза и рот). У третьей на черешке оттиснуто стилизованное изображение птицы (голова с клювом, большим круглым глазом и подтреугольным крылом), 4-х и 7-ми лепестковых пальметт.

Золото 5000, вес: 6,5 г, 6,3 г, 4,37 г, тиснение.

Длина 13,5-15,4 см, ширина 4-4,5 см.

МИДУ, АЗС-3065/1-3.

74. Основы нащечных пластин (3 экз.). Кожа? длина 8 см; 8,3 см; 10 см. № ПАЭ 1977-78/168. В форме крыла, полностью повторяют контуры золотых пластин, на поверхности пропечатались детали орнамента. На одной основе – остатки кожаной плетеной ленты.

75. Ворварка.

Ворварка в виде усеченного конуса, плакированная золотым листом.

Бронза, золото, 5000, вес: 5,25 г, литье, плакировка.

Наибольший диаметр 1,9 см, высота 0,8 см.

МИДУ, АЗС-3072/4.

Аналогична кат. 21; 59,5; 60,2. Лежала на бронзовом поясе в ровике.

76. Боевой пояс (29 обломков). Бронза, штамповка, выгибание, общая длина фрагментов 35 см, ширина 5 см, высота пластин в изогнутом состоянии 4,5 см, ширина 0,9 см. № ПАЭ 1977-78. Из дуговидно выгнутых узких пластинок, набранных так, что каждая перекрывала треть поверхности предыдущей. Для крепления в пластинах пробиты отверстия с торцовых сторон по два и одно посередине длинного края. На внутренней стороне пояса сохранились фрагменты кожаной основы, края которой с лицевой стороны свернуты в виде валика, прикрывали торцы пластин.

77. Боевой пояс (33 обломка). Бронза, общая длина фрагментов около 70 см, разме-

ры пластин: высота в изогнутом состоянии 4,5 см, ширина 0,6 см. № ПАЭ 1977-78. Аналогичен кат. 76. В набор входит полуовальная концевая пластина размерами 2,2 x 2,8 см. У ее закругленного края посередине пробито отверстие диаметром 0,5 см. К одному из обломков прикипела бронзовая стрела, трехгранная с узкими углублениями на гранях.

78. Боевой пояс (25 обломков). Железо, сохранившаяся наибольшая длина пластины 6,5 см, ширина 1,2 см. № ПАЭ 1977-78. Из продолговатых дугообразно выгнутых пластин, набраны так, что каждая перекрывала примерно половину поверхности предыдущей. Пластины сильно окислены, поэтому количество и расположение отверстий на них установить нельзя. Сохранились два блока набора с концевыми пластинами полуовальной формы, размерами 5,5 x 4,5 см; 5 x 4,5 см. Вдоль краев пластин пробиты мелкие отверстия, возле сужающегося конца одной пластины в центре пробито отверстие диаметром 0,4 см. На поверхности некоторых блоков сохранились части кожаной основы.

79. Наконечники стрел, колчаный набор № 1 (323 экз. и фрагменты). Бронза, кость, литье, резьба, длина 2,5-4,1 см. № ПАЭ 1977-78/156,171. Найдены под южной стенкой камеры.

1. Трехгранные с выступающей втулкой, обозначенной на гранях узкими и прямоугольными углублениями (длиной 0,7 см). Реставрированы 34 экз., остальные (135 экз.) сильно окислены и фрагментированы.

2. Трехгранные со скрытой втулкой и головкой пирамидальной формы (48 экз.).

3. Пулевидные костяные с треугольными вырезами в нижней части (144 экз., из них 59 целых). Во втулках некоторых наконечников сохранились остатки древков.

4. Обломки древков стрел (70 экз.), дерево, сохранившаяся длина наибольшего 3,6 см, толщина 0,3 см. На некоторых сохранились заостренные концы, вставлявшиеся во втулку стрелы, в этих местах окрашены окисью меди.

80. Наконечники стрел, колчаный набор № 2 (161 экз.). Бронза, литье, длина 2,7-3,5 см. № ПАЭ 1977-78/172. Найдены у южной стенки камеры.

1. Трехгранные с выступающей втулкой, с ложком до острия (89 экз.). Реставрированы 40 экз., остальные сильно окислены и фрагментированы.

2. Трехгранные с выступающей короткой втулкой, обозначено на гранях узкими углублениями (65 экз.). Реставрировано 42 экз. Аналогичны кат. 79,1.

3. Трехгранные со скрытой втулкой и двумя узкими вертикальными углублениями длиной 0,7 см на каждой грани (7 экз.).

В некоторых втулках, а также отдельно, сохранились остатки древков.

81. Наконечники стрел, колчаный набор № 3 (139 экз. и фрагменты). Бронза кость, длина 2,5-3,3 см. № ПАЭ 1977-78/173. Найдены на дне камеры у южной стенки.

1. Трехлопастные с выступающей втулкой, с широким ложком до острия. Жальца длинные острые, соединяются с втулкой под острым углом. Втулка обрезана вровень с концами лопастей или незначительно выступает. Во всех трех ложках помещен знак в виде креста (3 экз.).

2. Трехлопастные со скрытой втулкой, с узким ложком на 2/3 длины наконечника и опущенными жальцами. На одной грани – знак в виде креста (19 экз.).

3. Трехгранные (108 экз.). Аналогичны кат. 79,1; 80,2. Реставрированы 76 экз., остальные фрагментированы и окислены. В некоторых втулках, а также отдельно сохранились остатки древков.

4. Пулевидные костяные с внутренней втулкой и ровно обрезанной основой (9 экз.).

82. Наконечники стрел, колчаный набор под поясом во рву (157 экз.). Бронза, длина 2,5-3,6 см.

1. Трехлопастные (42 экз.). Аналогичны кат. 80,1. Семь наконечников сильно окислены.

2. Трехгранные (87 экз.). Аналогичны кат. 79,1; 80,2; 81,3.

3. Обломки наконечников сильно окисленных (28 экз.). Во втулках сохранились остатки древков.

83. Клевец. Железо, бронза, ковка, литые по модели, длина 19,5 см. № ПАЭ 1977-78. Представляет собой четырехгранный в сечении стержень, расширяющийся при переходе в обух. Клинок длинный, слегка выгнутый. На обух насажена бронзовая плакировка, верхняя часть которой оформлена в виде человеческой головы. Проух круглый, с вставленной в него цилиндрической втулкой для рукояти. Во втулке сохранились остатки древка.

84. Топоры (4 экз.). Железо, длина 12-16 см. № ПАЭ 1977-78. Один, длиной 16,0 см, с прямоугольным в сечении обухом (2 x 2,5 см), расширяется посередине, с круглым отверстием внешним диаметром 1,6 x 2 см, внутренним 1,0 x 0,7 см, конец клина обломан. Второй, длиной 12,5 см, со слегка выгнутой спинкой и небольшим утолщением посередине, отверстие в виде прорези прямоугольной формы. Два остальных экземпляра сохранились частично.

85. Наконечники копий (11 экз.). Железо, ковка. № ПАЭ 1977-78/218. Представлены несколькими типами:

1. Наконечники (3 экз. полных, 4 – без втулки) с длинным узким листовидным пером без ребра. Втулка короткая цилиндрическая с валиком по нижнему концу. Во втулке остатки деревянного древка. Перо одного из наконечников склеилось со стержнем дротика, длиной 28,5 см. Длина наконечников копий – 42,3-48,5 см, максимальная ширина пера 4,8 см, диаметр втулки 2,8-3 см.

2. Наконечники (2 экз.) с листовидным пером, с узким ребром посередине. Конец одной из втулок без валика. Фрагментированы. Длина 30 см, 45,5 см, максимальная ширина пера 4,2 см, диаметр втулки 2,2 см; 2,6 см.

3. Наконечники (2 экз.) с широким листовидным пером треугольной формы, с ребром посередине. Прямые, сходящиеся к острию, грани пера резко, почти под прямым углом, переходят в коническую втулку с валиком на конце. Во втулке остатки деревянного древка. На одном из наконечников остатки ткани. Длина 31,8 см, 38,5 см, максимальная ширина пера 7,5 см, 6,3 см, диаметр втулки 2,8 см. Найдены в ровике на дне камеры обернутыми в два слоя ткани и перетянутыми проволокой.

86. Втоки копий (9 экз.). Железо, сохранившаяся длина 6,5-8,6 см. № ПАЭ 1977-78. Фрагментированы, в виде цилиндрических втулок с остатками древков.

87. Наконечник дротика (1 экз.). Железо, ковка, длина 33 см, ширина наконечника 2,5 см, длина наконечника 5,5 см, диаметр втулки у основания 3 см, диаметр стержня у наконечника 1 см. Наконечник с жаловидной головкой, на коническом длинном стержне, переходящим в цилиндрическую втулку (конец обломан).

88. Меч. Железо, ковка, длина 61 см, длина рукояти 10 см, длина клинка 51 см. № ПАЭ 1977-78/139. Цельный обоюдоострый; линзовидный клинок в форме равнобедренного треугольника. Рукоять прямая с ложно-треугольным перекрестием, навершие не сохранилось.

89. Меч.

Меч обоюдоострый, клинок в виде узкого вытянутого к острию треугольника, ромбовидный в сечении с ребром, идущим от перекрестия к острию. Рукоять в форме вытянутого овала, с ложно-треугольным перекрестием и грибовидным навершием, на стержне три углубления. Рукоять обтянута золотой пластиной, частично заходящей на клинок. На клинке – остатки деревянных ножен, пропитаны окисью железа.

Железо, золото, 5830, вес: 212,5 г, ковка, плакировка.

Длина 43,3 см, длина рукояти 7 см, ширина перекрестия 6,3 см, длина клинка 33,1 см, ширина клинка 5,5 см.

МИДУ, № АЗС-3080.

90. Чаша № 1.

Сосуд в виде довольно глубокой чаши с плавно закругленными стенками, постепенно переходящими в небольшое плоское дно.

Высота чаши – 9 см; диаметр венчика – 13,8 см.

МИДУ, НДФ-403.

обивки деревянной чаши № 1. Пластины прямоугольные с изображением орлиноголового грифона в профиль вправо, который идет с поднятой вверх левой лапой. Четыре однотипные пластины дугообразно изогнуты по форме сосуда, с закругленными нижними углами и загнутым внутрь на 5-10 мм верхним краем. По краям пробиты отверстия для гвоздей (кат. 93), при помощи которых пластины крепились к деревянному основанию. В одной пластине (АЗС-3067/3) сохранилось два золотых гвоздика, еще в одной (АЗС-3067/4) – три.

Золото, 5830, тиснение, вес: 7,8 г, 8,7 г, 9,3 г, 10,6 г.

Пластины: длина 6,6-6,9 см, ширина 4,7-4,9 см, длина гвоздя 0,8 см, диаметр шляпки гвоздя 0,5 см.

МИДУ, №№ АЗС-3067/1-4.

91. Чаша № 2.

Сосуд в виде овальной чаши с двумя ручками, головы и хвоста птицы (орла ?).

Высота чаши – 5 см; диаметр верхнего края – 12,5 x 8,3 см.

МИДУ.

Обивки деревянной чаши № 2. К коротким краям венчика сосуда прибиты пластины, образующие ручки: одна в виде стилизованной головы птицы с мощным загнутым вниз клювом (состоит из двух одинаковых тисненых половинок), вторая – в виде плоской сегментовидной пластины с загнутым краем, имитирующей хвост птицы, на которой оттиснуты продольные канеллюры, имитирующие перья. Между хвостом и головой птицы, вдоль туловища сосуда, с обеих сторон расположены две прямоугольные обивки (одна из них разломана на две части), дугообразно изогнутые по форме чаши. Загнутым на 10 мм внутрь краем они прикреплены к деревянному

основанию. На этих пластинах с обеих сторон оттиснуты изображения шести лежащих фигур грифо-баранов в профиль вправо. По краям пластин пробиты отверстия, в некоторых из которых сохранились золотые гвоздики (кат. 93) с полусферическими шляпкам.

Золото 5000, 5830, тиснение, вес: 3.8 г, 4.0 г, 4.7 г, 8.4 г, 13.0 г.

Пластины: длина 12.5-13,0 см, ширина 2.9-3.6 см, на ручках: 4.7 x 1.4 см; 3,0 x 3.8 см. МИДУ, АЗС-3068/1-5.

92. Чаша № 3.

Сосуд в виде глубокой шаровидной чаши с двумя сегментовидными ручками, крепившимися под прямым углом к тулубу сразу под венчиком. Плавно закругленные стенки емкости постепенно переходят в небольшое плоское дно.

Высота чаши 7 см, диаметр верхнего края 8 см, ширина ручек 1,7-2,0 см.

МИДУ.

Обивки чаши № 3 состоят из трех пластин. Одна из них продолговатая с загнутым на 0,3-0,5 см верхним краем, по периметру которой пробито отверстия для крепления ее к венцу. Две другие – сегментовидные с загнутым нижним краем и с отверстиями вдоль него, которые обтягивали ручки. Пластины прибиты к чаше золотыми гвоздиками с полусферическими и плоскими шляпками. Отдельно имеется 28 гвоздиков (кат. 93). В описи находок упоминаются три обломка от деревянных ручек с золотыми стержнями внутри.

Золото, 5000, вес: 1.9 г, 8.3 г.

Ширина: обивки венчика 1,7 см, над ручками 0.7-0.9 см, обивки ручек: 5.7 x 1.7 см; 5.8 x 2,0 см.

МИДУ, АЗС-3069/1-2.

93. Гвозди от чаш №№ 1-3 (51 экз., фрагментированы). Золото, 3750, 5000, ковка, пайка, высота 0,6 см, диаметр шляпки 0,4-0,5 см. МИДУ, АЗС-3070/1-51. С полусферическими шляпками и полыми коническими штырьками, свернутыми из листочка золота. Гвоздь проходил через стенку сосуда и с обратной стороны расклепывался или загибался под прямым углом. Некоторые шляпки заполнены окислами меди или бронзы.

94. Обломок венчика деревянного сосуда (?). 5,8 x 2,0 см, восстанавливаемый диаметр 13 см, толщина края 1,5 см. № ПАЭ 1977-78/169.

95. Гребень (фрагментированный). Кость, резьба, полировка, высота 9,2 см, ширина 7,5 см. № ПАЭ 1977-78. Основа из 15 зубьев с выделенными гранями на лицевой стороне, над ними узкий горизонтальный фриз с прорезным геометрическим орнаментом и высокая спинка, выполненная в зверином стиле – резное изображение стоящего льва с головой оленя в пасти. Имеются следы древнего ремонта – замена сломанных зубьев новыми. На это указывают отверстия, просверленные в нижней части орнаментального фриза и конические штырьки у двух зубьев.

96. Гребень (фрагментированный). Кость, резьба, полировка, ширина 10 см, длина боковых накладок 14,1 см, пластины накладные: 10,0 x 1,5 см; 8,6 x 0,5 см. № ПАЭ 1977-78. Составной двусторонний гребень. Сохранилось 23 детали, некоторые в об-

ломках. Две боковые накладки в виде четырехгранных стержней с зауженными острыми концами и прорезанными посередине пазами с двух сторон длиной 3,2 см. В эти пазы, очевидно, вставлялись четыре прямоугольные продолговатые пластины, по две с каждой стороны. Лицевая поверхность их отполирована, неорнаментирована. Четыре узких пластины размерами 8,5-8,8 x 0,5 см, украшены чередующимися кружками с точкой в центре. Девять обломков полосок с зубчиками и одна целая длиной 13 см, ширина их 0,3-0,5 см.

97. Остатки кожи и дерева. № ПАЭ 1977-78/184. Темно-коричневого цвета, на поверхности некоторых фрагментов кожи – пятна зеленого цвета, обрывки тонких шнуров. Вероятно, это остатки сумочки, в которой находились гребни. Обломки дерева в описи находок отнесены к налобнику (?).

98. Оправа оселка.

Оправа оселка в виде колпачка со сквозным отверстием в средней части. Поверхность украшена напаянным филигранным орнаментом.

Золото, 5000, вес: 13,1 г.

Длина 5,7 см, диаметр наибольший 1,9 см

МИДУ, АЗС-3079.

99. Головные уборы конусовидной формы (2 экз.).

Состоят из рядов разнотипных золотых пластин, украшенных тисненным орнаментом и нашивавшихся на тканевую или кожаную основу

а) Н — 160 мм; D — 560 мм.

МИДУ, НДФ-208.

В состав украшений головного убора входили золотые пластины-аппликации:

- с изображением женской головы анфас (АЗС-3075/1-10, АЗС-3043/11-12);
- с изображением женской головы в профиль (АЗС-3086/1-12);
- в виде треугольника (АЗС-3088/1-108);
- с изображением сцены побратимства (АЗС-3076/1-37).

б) Н — 200 мм; D — 560 мм.

МИДУ, НДФ-209.

В состав украшений головного убора входили золотые пластины-аппликации:

- в виде хищника кошачьей породы [лев?] (АЗС-3082/1-65);
- в виде треугольника (АЗС-3060/1-419);
- подвески-цепочки с подвеской в виде бутона (АЗС-3087/37-46).

1. Подвески-цепочки с привеской в виде бутона (10 экз.).

Подвески состоят из цепочек сложного плетения и миндалевидных привесок, напоминающие условное изображение нераскрытого бутона. Привески сделаны из двух объемных деталей, оттиснутых по матрице. Поверхность «разделена» продольными бороздками на «дольки». Каждая третья из них украшена короткими поперечными насечками. На конце бутона припаян миниатюрный золотой шарик. Цепочки с привесками, возможно, являются деталями оформления головного убора: по пять украшений, вероятно, были прикреплены у висков конусообразной шапочки.

Золото, 5000, 5830, вес: от 4,1 до 5,14 г (одной), тиснение.

Длина цепочек 9-10 см, подвеска 1,4 x 1,3 см.

МИДУ, АЗС-3087/37-46.

2. Пластины с изображением женской головы в профиль (12 экз.).

Пластины с изображением женской головы в профиль влево. Лицо восточного типа, с большим круглым глазом и крупным носом. Волосы прямые, переданы рельефными линиями. На шее – ожерелье из ромбовидных бусин. На краях пластин пробиты четыре отверстия для нашивания, в некоторых – дополнительные. Золото, 3750, вес: 0,51-0,97 г (одной), тиснение.

1,8-2,1 x 2,2-2,4 см.

МИДУ, АЗС-3086/1-12.

3. Пластины с изображением женской головы в фас (10 экз.).

Пластины с изображением женской головы в фас. Лицо восточного типа, с большими миндалевидными глазами и крупным носом. Волосы прямые, ниспадают до плеч, переданы параллельными выпуклыми линиями, перехваченными у висков кольцом. На короткой шее – ожерелье из пяти крупных бусин треугольной формы. Выполнены в невысоком рельефе, грубо, и вырезаны по контуру, по краям четыре отверстия для нашивания.

Золото, 5000,3750, вес: 1,06-1,24 г (одной), тиснение.

2,2 x 2,7 см.

МИДУ, АЗС-3075/1-10.

Три бляшки найдены в ровике. Аналогичны кат. 134.

4. Пластины с изображением сцены братания (37 экз.).

Пластины четырехугольные с изображением сцены братания, заключенной в рамку из псевдозерни. Представлено два варианта изображений: первый – фигуры сидят с перекрещенными ногами, второй – левая стоит на коленях, правая на одном колене. Выполнены грубо, схематично. По углам пробиты отверстия для нашивания. Золото, 3750, 5000, вес: 1,2-1,9 г (одной), тиснение.

2,7-3 x 2,6-2,9 см.

МИДУ, АЗС-3076/1-37.

5. Пластины в виде фигуры кошачьего хищника (65 экз.).

Пластины в виде фигуры кошачьего хищника (льва?), изображенного в профиль влево с поджатыми ногами, непропорционально большой головой с широко раскрытой пастью и длинным хвостом. На обороте напаяно по две петли для нашивания.

Золото, 5000, вес: 0,35-0,50 г (одной), тиснение.

1,4-1,5 x 0,9 см.

МИДУ, АЗС-3082/1-65.

Пять пластин найдены в ровике. Аналогичны кат. 137.

6. Пластины в виде треугольника (400 экз.).

Пластины в виде маленького равностороннего треугольника украшенные псевдозернью. На обороте по углам напаяны петельки для нашивания или пробиты отверстия в местах их отсутствия.

Золото, 5000, 5800, вес: 0,21 г (одной), тиснение.

0,8 x 0,8 см.

МИДУ, АЗС-3059/65-465.

Чрезвычайно распространенный тип бляшек, характерный для скифских погребений IV в. до н.э. Такие же пластины найдены в грабительском ходе кат. 46в; 102 пластинки – в ровике. Аналогичны кат. 138.

100. Нагрудное украшение в виде сетки.

Состоит из золотых каплевидных бусин-подвесок, биконических бусин и пронизей.

1. Бусины-подвески (36 экз.).

а) бусины-подвески каплевидные (34 экз.), спаянные из двух половинок, украшенных тисненным стилизованным изображением лица человека. Сверху напаяна небольшая цилиндрическая втулка и проволочное кольцо для подвешивания, а снизу вокруг отверстия – проволочное кольцо и шестилепестковая розетка.

Золото, 5830, вес: 2,17-3,47 г (одной), тиснение.

Высота 3,4 см, диаметр 1,7 см.

МИДУ, АЗС-3087/1-34.

б) бусы-подвески каплевидные (2 экз.), спаянные из двух половинок, украшенных продольными гладкими и рубчатými дольками. Сверху напаяна небольшая цилиндрическая втулка, а снизу вокруг отверстия – проволочное кольцо и шестилепестковая розетка.

Золото, 5830, вес: 2,17-3,47 г (одной), тиснение.

Высота 3,4 см, диаметр 1,3 см.

МИДУ, АЗС-3087/35-36.

2. Бусины (163 и 1/2 экз.).

Бусины биконические, спаянные из двух полусфер, с отверстием в центре.

Золото, 5830, вес: 0,13 г (одной).

Высота 0,5 см, диаметр 0,5-0,6 см.

МИДУ, АЗС-3090/1-163.

В описи находок значится, что 4 целых и половинка бусины найдены в ровике.

3. Пронизи (350 экз.).

Пронизи в виде свернутых в трубочку тонких прямоугольных пластинок, украшенных поперечными рельефными валиками. Многие фрагментированы.

Золото, 5000, вес: 0,11-0,22 г (одной).

Длина 2-2,3 см, диаметр 0,2 см.

МИДУ, АЗС-3089/1-351.

Три экземпляра найдены в ровике. Аналогичны кат. 141.

101. Пластины с изображением льва (102 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением льва с повернутой в фас головой, лежащего в профиль вправо на подставке из чередующихся треугольников. Грива трактована язычками, нанесенными в несколько рядов. По краям шесть отверстий для нашивания (по три сверху и снизу).

Золото, 5830, вес: 1,15-2,05 г (одной), тиснение.

3,5 x 2,5 см.

МИДУ, АЗС-3074/1-102.

Изображение выполнено в стиле греческого искусства начала IV в. до н.э. Трактовка головы и гривы подобна изображениям львиных голов на браслетах и гривнах того времени.

102. Пластины с изображением льва (5 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением льва с широко раскрытой пастью, сидящего в профиль влево. По краю рамка из псевдозерни. На обороте в углах напаяны проволочные петли.

Золото 5830, вес: 0,94-1,05 г (одной), тиснение.

2,2-2,3 x 1,8-2,0 см.

МИДУ, АЗС-3053/10-14.

Аналогичные найдены в грабительском ходе, кат. 41.

103. Пластины с изображением сфинкса (5 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением сфинкса (?) с мужской головой в зубчатой короне, сидящего в профиль влево. По краю рамка из псевдозерни. На обороте в углах напаяны петли для нашивания.

Золото 5830, петли 3750, вес: 1,33-1,62 г (одной), тиснение.

2,5 x 2,1 см.

МИДУ, АЗС-3056/11-15.

Такие же бляшки найдены в грабительском ходе, кат. 40.

104. Пластины с изображением кошачьего хищника (4 экз.).

Пластины с изображением кошачьего хищника, лежащего в профиль влево с опущенной вниз головой. Выделен большой круглый глаз, грива трактована рельефными крупными линиями. Вырезана по контуру животного и имеет на обороте две петли для нашивания.

Золото, 5830, вес: 0,3-0,33 г (одной), тиснение.

1,4 x 1,0 см.

МИДУ, АЗС-3083/1-4.

105. Пластины с изображением грифона (87 экз.).

Пластины четырехугольные с изображением орлиноголового грифона, сидящего в профиль влево. Голова существа повернута назад, крылья загнуты вверх и

закруглены, левая передняя лапа приподнята. Окантована рамкой из мелкой псевдозерни. По краям с лицевой стороны пробито 8 отверстий для нашивания. Золото, 5000, 5830, вес: 3-4,55 г (одной), тиснение.

4,3 x 3,8 см.

МИДУ, АЗС-3077/1-87.

Пластины с изображением орлиноголовых грифонов часто встречаются в захоронениях скифской знати.

106. Пластина с изображением грифона (фрагментированная).

Пластина четырехугольная с изображением сидящего в профиль вправо грифона, с повернутой назад головой. Окантована рамкой из мелкой псевдозерни. Три угла с утерями металла. По краях пробито 3 отверстия для нашивания.

Золото, 3750, вес: 2,97 г, тиснение.

4,3 x 4,1 см.

МИДУ, АЗС-3084.

Аналогична по сюжету и стилю кат. 105.

107. Пластины с изображением грифона (75 экз. и 1 обломок).

Пластины четырехугольные с изображением грифона, лежащего в профиль вправо. Обозначены только голова и крыло. В углах пробиты отверстия для нашивания.

Золото, 5000, 3750, вес: 0,33-0,96 г (одной), тиснение.

2,2 x 2,0 см.

МИДУ, АЗС-3081/1-75.

В описи находок значится еще одна пластина, найденная в грабительском ходе.

108. Пластины с изображением борьбы человека со сфинксом (134 экз.).

Пластины прямоугольные с изображением борьбы человека со сфинксом. На обороте в углах напаяны петли для нашивания, сохранившиеся частично.

Золото, 5000, вес: 0,92-1,86 г, тиснение.

2,7 x 2,2 см.

МИДУ, АЗС-3078/1-134.

Пять экземпляров найдены в ровике.

109. Пластины в виде треугольника.

Пластины в виде треугольника, украшенного псевдозернью. На обороте в углах пластин сохранились остатки проволочных петель для нашивания. По размерам, пропорции и количеству выпуклостей делятся на несколько вариантов:

1. Равнобедренный треугольник. (418 экз.). У 9 экз. сохранились 1-2 петельки.

На месте утраченных ушек пробиты отверстия.

Золото, 5000, вес: 0,64 г (одной).

Длина стороны треугольника 1,8-2,2 см, высота 2,2-2,6 см.

МИДУ, АЗС-3060/2-419.

2. Равнобедренный треугольник (108 экз.).

Золото, 3750, 5830, вес: 0,52 г (одной).

Длина стороны треугольника 1,5-1,7 см, высота 1,9-2 см.

МИДУ, АЗС-3088/1-108.

3. Равносторонний треугольник (51 экз.).

Золото, 5000, вес: 0,31 г (одной).

Длина стороны треугольника 1,3-1,4 см.

МИДУ, АЗС-3058/2-52.

Найдены на дне камеры в юго-восточном углу и в ровике, две в грабительском ходе.

Пластины такого типа наиболее распространенные находки среди украшений в богатых погребениях Северного Причерноморья.

110. Пластина в виде трех соединенных полусфер.

Пластина в виде трех соединенных полусфер, каждая из которых оконтурена рельефной рамкой из псевдозерни. На обороте сохранились остатки петель для нашивания.

Золото, 5830, вес: 0,53 г.

1,7 x 1,5 см.

МИДУ, АЗС-3085.

Аналогична кат. 139.

111. Пластины крестовидные (566 экз.).

Крестовидные в виде пяти соединенных кружков с выпуклостью в центре каждого из них. На обороте напаяны проволочные петельки, большая часть из которых обломана. На месте утерянных петель пробиты дополнительные отверстия.

Золото, 5000, 5830, вес: 0,6 г (одной).

1,7 x 1,8 см.

МИДУ, АЗС-3061/1-566.

В ровике найдено 35 экземпляров этих пластин. Чрезвычайно распространенный тип пластин-аппликаций. Аналогичны кат. 140.

112. Пластины полусферические (5 экз.).

Пластины полусферические с пластинчатой петелькой на обороте.

Золото, 5830, вес: 0,21-0,23 г, ковка, пайка.

Диаметр 0,7 см.

МИДУ, №№ АЗС-3055/52-56.

Такие же пуговицы (51 экз.) найдены в грабительском ходе, кат. 44.

113. Обломки пластин (8 экз.). Золото, 3750, вес: 0,16 г. МИДУ, АЗС-3073.

114. Кольца спаренные.

Кольца проволочные спаренные, спаянные на концах. Украшены тремя пирамидками из четырех шариков зерни. На одном кольце одна из пирамидок утрачена.

Золото, 5000, вес: 2,8 г, ковка, пайка.

Диаметр 1,7 см, толщина проволоки 0,2 см.

МИДУ, АЗС-3066/1-2.

115. Детали предмета неясного назначения (5 экз., одно кольцо в обломках). Бронза. № ПАЭ 1977-78/186. Состоит из:

а) трех колец круглого сечения, одно с заходящими друг за друга концами, диаметром 3,3 см, два с сомкнутыми концами, диаметром 2,6-2,8 см;

б) двух круглых пластин с отверстием в центре, диаметром 2-2,3 см; в отверстии одной пластины сохранился железный стержень, длиной 0,7 см, толщиной 0,4 см.

116. Изделия с неясным назначением (4 экз.). Свинец, 5,0 x 5,1 см, 2,5 x 3,7 см, 2,4 x

- 2, 5 см, 3,0 x 1,9 см. № ПАЭ 1977-78/185. Массивные, различных форм.
117. Астрагалы (6 экз.). Кость, 3,2-3,5 x 2,1-2,4 см. № ПАЭ 1977-78/150.
118. Комья глины с отпечатками подстилок под сосуды и краски красного и синего цветов. Найдены у восточной стенки на дне камеры.
119. Раковины фрагменты.
120. Кожа (4 экз.). 2,4 x 1,0 см, 2,5 x 1,5-1,8 см. № ПАЭ 1977-78. Остатки кожи темно-коричневого цвета.
- Восточная могила
Входная яма
121. Наконечники стрел (10 экз. и фрагменты). Бронза, литье, длина 2,0-3,3 см. № ПАЭ 1977-78/25,37,58.
1. Трехлопастной башневидный со слабо выступающей втулкой 1 экз. и 3 фрагмента).
 2. Трехгранные с выступающей короткой втулкой, обозначенной на гранях двумя углублениями (3 экз.).
 3. Трехгранные со скрытой втулкой (3 экз., один обломок). Аналогичны кат.
 4. Трехгранные со скрытой втулкой и выступающими шипами (3 экз.). В некоторых втулках сохранились остатки древков.
122. Бляха (3 фрагмента). Бронза, литье, диаметр 4,5 см. № ПАЭ 1977-78/24. Фрагментирована, круглая, выпуклая, с литой петлей на внутренней стороне.
123. Гвозди (3 экз.). Бронза, длина 10,5, 7, диаметр шляпки 1,1 см; 1,3 см. № ПАЭ 1977-78/26. Концы двух загнуты перпендикулярно стержню, конец третьего обломан. Шляпки круглые плоские. На одном гвозде сохранились остатки дерева яйцевидной формы, размерами 4,0 x 2,2 см.
-).
124. Гвозди (3 обломка). Железо, длина 1,6-3,1 см, диаметр шляпки 2,3 см. № ПАЭ 1977-78/28. Концы стержней обломаны, шляпки массивные, круглые.
125. Гвоздей обломки (2 экз.). Железо, длина наибольшего 3,4 см, шляпка 4,8 x 2,7 см. № ПАЭ 1977-78/29. Стержни обломаны, шляпки ромбовидной формы.
126. Изделие с неясным назначением. Свинец, литье, 4,0 x 3,2 см. № ПАЭ 1977-78/27. Из четырех ромбов, в виде "мальтийского" креста. Изделия из оловянисто-свинцовых сплавов находят широкое распространение в степной части Северного Причерноморья в IV в. до н.э.
127. Пластины обломки (3 экз.). Железо. № ПАЭ 1977-78/31. На одном из фрагментов по краю прослеживается невысокий бортик.
128. Пряслице. Свинец, литье, высота 1,4 см, диаметр основания 2 см. № ПАЭ 1977-78/32. В виде усеченного конуса. Наиболее распространенный тип свинцовых пряслиц.
129. Стержня обломок. Свинец, длина 1,8 см, сохранившийся диаметр 0,5 см. № ПАЭ 1977-78/34.
130. Астрагал. Кость, 3,1 x 2,3 см. № ПАЭ 1977-78/23.
131. Серьга кольцевидная.

Серьга кольцевидная из круглой в сечении проволоки. Концы сужены, распланы и загнуты в виде крючков.

Золото, 5000, вес: 2,23 г.

Диаметр 1,6 см.

МИДУ, АЗС-3049.

132. Бусины (5 экз.).

Бусины биконической формы, спаянные из двух половинок.
Золото, 5000, вес: 0,11 г.
Диаметр 0,5-0,6 см.
МИДУ, АЗС-3039/1-5.
133. Бусина.

Бусина овальная, спаянная из двух половинок, разделенных на восемь долек. Четыре из них с тисненным орнаментом в виде алмазной грани. Они чередуются с четырьмя неорнаментированными гладкими дольками. Вокруг отверстий напаяны рифленые колечки.
Золото, 7500, вес: 0,8 г.
Длина 1,1 см, диаметр 0,9 см.
МИДУ, АЗС-3038.
134. Пластины с изображением женской головы (2 экз.).

Пластины с изображением женской головы в фас. Лицо восточного типа, с большими миндалевидными глазами и крупным носом. Волосы прямые, ниспадают до плеч, переданы параллельными выпуклыми линиями, перехваченными у висков кольцом. На короткой шее – ожерелье из пяти крупных бусин треугольной формы. Выполнены в невысоком рельефе и вырезаны по контуру, на краях четыре отверстия для нашивания.
Золото, 5000, вес: 0,86 г, 0,83 г, тиснение.
2,2 x 2,7 см.
МИДУ, АЗС-3043/11-12.
Аналогичны кат. 99,3.
135. Пластина с изображением грифона.

Пластина четырехугольная с изображением крылатого львиноголового грифона с бараньими рогами с головой анфас, стоящего в профиль влево. По краю рамка из псевдозерни, в углах пробито три отверстия для нашивания (четвертый угол утерян).
Золото, 5000, вес: 1,51 г, тиснение.
3,0 x 2,7 см.
МИДУ, АЗС-3050.
136. Пластина с изображением сфинкса.

Пластина четырехугольная с изображением сидящего сфинкса с женской головой анфас, который сидит в профиль влево с поднятой левой задней лапой. По краю ободок из рифленых косых насечек, имитирующих плетенку. В углах пробито три отверстия для нашивания (четвертый угол, слева от головы сфинкса, утерян).
Золото, 5000, вес: 1,25 г, тиснение.

2,6 x 2,8 см.

МИДУ, АЗС-3047.

137. Пластины в виде фигуры кошачьего хищника (6 экз.).

Пластины в виде фигуры кошачьего хищника (лев?) в профиль влево, изображенного с поджатыми ногами, непропорционально большой головой с раскрытой пастью и длинным хвостом. На обороте напаяно по две петли для нашивания. Золото, 5830, 5000, вес: 0,35-0,50 г (одной), тиснение.

1,5 x 9,0 см.

МИДУ, АЗС-3044/1-6.

Подобны кат. 99,5.

138. Пластины в виде треугольника (48 экз.).

Пластины в виде равностороннего треугольника, украшенного псевдозернью, с тремя петельками для нашивания на обороте.

а) золото, 5830, вес: 0,26 г (одной), тиснение.

1,3-1,4 x 1,4-1,5 см.

МИДУ, АЗС-3041/1-9.

б) золото, 7500, вес: 0,21 г (одной), тиснение.

0,8 x 0,8-0,9 см.

МИДУ, АЗС-3042/1-39.

Аналогичны кат. 109,3; 99,6.

139. Пластины в виде трех соединенных полусфер (4 экз. и 1 фрагмент).

В виде трех соединенных полусфер, каждая из которых окаймлена пояском псевдозерни, с петлями на обороте.

Золото, 5000, серебро (петли), вес: 0,6 г (одной), тиснение.

1,7 x 1,5 см.

МИДУ, АЗС-3046/1-4.

Аналогичны кат. 110.

140. Пластина крестовидная.

Пластина крестовидная в виде пяти соединенных кружков, с выпуклостью в центре каждой из них. На обороте напаяны четыре проволочные петли, две из которых утеряны.

Золото, 5000, вес: 0,48 г, тиснение.

1,7 x 1,8 см.

МИДУ, АЗС-3045.

Аналогичны кат. 111.

141. Пронизи (12 экз.).

Пронизи в виде свернутых в трубочку тонких прямоугольных пластинок, украшенных поперечными валиками.

Золото, 5000, вес: 0,24 г (одной).

Длина 2-2, см, диаметр 0,2-0,3 см.

МИДУ, АЗС-3037/1-12.

Аналогичны кат. 100,3.

142. Спиральной ленты-оплетки фрагменты (2 экз.).

Ленты из тонкой пластины, скрученной в виде спирали. Возможно служили оплеткой какого-то предмета (деревянной чаши?).

Золото, 5830, вес: 0,31 г.

Ширина 0,15 см.

МИДУ, АЗС-3048/1-2.

143. Обломок пластины

Обломок трапециевидной формы от прямоугольной пластины. На двух краях нанесены косые насечки. В центре фрагмента с внешней стороны пробито отверстие.

Золото, 5000, вес: 0,11 г.

0,7 x 1,0 см.

МИДУ, АЗС-3040.

Заполнение камеры

144. Камни пращевые (9 экз.). Округлой формы, диаметр 2,8-4,2 см. № ПАЭ 1977-78/39.

145. Наконечники стрел (7 экз.). Бронза, кость, литье, резьба, длина 2,6-3,5 см. № ПАЭ 1977-78/40, 41.

1. Трехлопастной с выступающей втулкой, с ложком до острия (1 экз.). Аналогичны кат. 50,1, 80,1, 82,1.

2. Трехгранные с выделенной втулкой, обозначенной на гранях двумя узкими и прямоугольными углублениями (2 экз.). Аналогичны кат. 79,1.

3. Трехгранный со скрытой втулкой и выступающими шипами (1 экз.). Аналогичны кат. 121,4.

4. Пулевидные костяные с внутренней втулкой и ровно обрезанной основой (3 экз.). Аналогичны кат. 81,4; 186,5.

146. Вток копья фрагментирован. Железо,ковка, длина 7,4 см, диаметр 1,5 см. № ПАЭ 1977-78/52.

147. Нож фрагментированный. Железо, кость,ковка, выпилка, полировка, длина рукояти 10,7 см, ширина рукояти 1,8, лезвие 6,0 x 2,3 см. № ПАЭ 1977-78/51. Рукоять восьмигранная из двух пластинок, соединенных семью сквозными железными заклепками, три из них закрепляют остатки клинка. Лезвие сохранилось частично, с горбатой спинкой и валиком по краю.

148. Обломки стержней и цепочек (29 экз.). Железо. № ПАЭ 1977-78/55.

1. Фрагменты стержней (12 экз.) с концами, загнутыми под прямым углом в виде "лопаточки", квадратного и круглого сечения, длиной 2,6-6,4 см.

2. Фрагменты цепочек (4 экз.) – стержни круглого сечения, сохранившиеся концы загнуты в виде петель, длина 2,4-5,2 см.

3. Фрагменты изогнутых стержней (10 экз.) с обломанными концами, круглого и четырехгранного сечения, длиной 2,3-6,7 см.

4. Фрагменты колец (4 экз.), восстанавливаемый диаметр 4,5-5,3 см.

149. Обломок пластины. Железо. 6 x 5,2 см. № ПАЭ 1977-78/53. Форма и размеры не восстанавливаются.

150. Скифос краснофигурный. Глина, высота 10,8 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр подставки 7,8 см. № ПАЭ 1977-78/50. Венчик слегка отогнут, тулово расширяется в верхней части и сужается к дну. Небольшие горизонтальные ручки прикреплены под венчиком. На дне два концентрических кружка и процарапано графити "L". Лак черный, на внутренней поверхности ровный, на внешней местами просвечивает

глина. Склеен из фрагментов. С двух сторон изображены обращенные друг к другу в профиль фигуры эфебов. Левый обнажен, в вытянутой правой руке держит тимпан (?) с крестом; правый одет в длинный гиматий, в правой руке держит посох. Под ручками большие пальметки, обрамленные с двух сторон стеблями с волютой. Внизу изображение ограничено красной полосой. Роспись беглая, небрежная. Аттика, IV в. до н.э.

151. Сосудов чернолаковых и краснофигурных фрагменты (6 экз.). Глина. № ПАЭ 1977-78/49. Представлены обломками: венчика профилированного (восстанавливаемый диаметр 7 см), ручки и стенок краснофигурных. Глина светло-коричневая с розоватым оттенком. Лак черный тускловатый.

152. Детали веретена. Кость, резьба. № ПАЭ 1977-78/46-48.

1. Обломки стержня (2 экз.), длина 2,7 см и 13,2 см.

2. Наконечник в виде шахматной пешки, высота 2,9 см.

3. Кольца (3 экз.). В виде усеченного конуса со срезанной верхней частью, наибольший диаметр 1,3-2,0 см, высота 0,7 см, диаметр отверстия 0,7 см. Аналогичное кольцо найдено в Центральной могиле в грабительском ходе, кат. 31.

153. Бусина. Кость, резьба, сверление, высота 0,7 см, диаметр 0,8 см. № ПАЭ 1977-78/42. Цилиндрической формы с одним сквозным отверстием и вторым, перпендикулярным первому, доходящим до середины.

154. Обломки бусины. Стекло. № ПАЭ 1977-78/44. Из синего стекла с белыми глазками и синими вставками в центре.

155. Обломок геммы. Стекло, 2,0 x 1,5 см. № ПАЭ 1977-78/43. Овальной формы из желтого полупрозрачного стекла со сквозным продольным отверстием. Сохранилось частично изображение мужской головы в профиль (?).

156. Обломок кости. 2,1 x 2,0 см. № ПАЭ 1977-78/54. Уплотненный, спиленный на двух плоских гранях, торцы не обработаны.

157. Астрагалы (9 экз.). Кость, 3-3,4 x 2-2,4 см. № ПАЭ 1977-78/38.

158. Обломок трубчатой кости животного. 3,2 x 1,7 см. № ПАЭ 1977-78/45.

Дно камеры

159. Камни пращевые (4 экз.). Диаметр 3-3,6 см. № ПАЭ 1977-78/57.

160. Наконечник копья (1 экз.). Железо, ковка, длина 37,5 см, максимальная ширина пера 4,4 см, диаметр втулки 2,8 см. № ПАЭ 1977-78/68. Наконечник с длинным узким листовидным пером. Втулка цилиндрическая, внутри остатки древка. Аналогичен кат. 85,1.

161. Втулки копья фрагмент. Железо, ковка, длина 9,1 см, диаметр 2,6 см. № ПАЭ 1977-78/60. Цилиндрической формы с валиком по нижнему концу. Во втулке остатки древка.

162. Гвоздей обломки (3 экз.). Железо, длина наибольшего 7,7 см, диаметр шляпки 3 см. № ПАЭ 1977-78/108. Стержни круглого сечения один с грибовидной шляпкой.

163. Стержень. Железо, ковка, длина 6,2 см. № ПАЭ 1977-78/61. Четырехгранный, один конец обломан, второй согнут под прямым углом и расплюсчен в виде "лопаточки".

164. Бляха. Бронза, литье, диаметр 4,3 см. № ПАЭ 1977-78/67. Круглая, выпуклая, с остатками литой петли на обороте.

165. Ойнохоя (58 фрагментов). Бронза, ковка, литье. № ПАЭ 1977-78/66. Сохранились ручка, обломки венчика и стенок. Венчик в виде трилистника; ручка массивная изогнутая с уплощенным верхним концом с выступами-упорами по бокам и основанием в форме листа плюща с гравированным орнаментом.

166. Таз (125 фрагментов). Бронза, литье, ковка, диаметр 37,5 см, высота 5,5 см,

ручка: 6,5 x 5,5 см. № ПАЭ 1977-78/64, 65. Низкий таз с тонкими стенками (толщина 0,4 см, 0,15 см), уплощенным дном, с широким отогнутым венчиком, оформленным в виде валика, украшенным по краю овами. Ручка подтреугольной формы с гладкой внутренней стороной, внешняя украшена рельефным изображением двух бараньих голов, столкнувшихся лбами, и пальметтами между ними. В средней части ручки с обеих сторон находились круглые выступы с рельефной спиралью. Основание ручки в виде валика с углублением по бокам, очевидно, она подвижно крепилась к стенке сосуда.

167. Кольцо (2 обломка). Бронза, Диаметр 2 см. № ПАЭ 1977-78. Овальное в сечении, находилось среди фрагментов таза.

168. Остатки кожи темно-коричневого цвета с красными полосами, возле края небольшое отверстие. № ПАЭ 1977-78.

169. Астргалы (8 экз.). Кость, 3,4 x 2,2 см; 3 x 2 см. № ПАЭ 1977-78/56.

Тайник №1

170. Навершия (4 экз.). Бронза, железо, литье, ковка, длина целых 16,4-18,9 см, диаметр нижний 8-9,1 см. № ПАЭ 1977-78/69. Прорезные яйцевидной формы, украшенные сверху двусторонней фигурой оленя с подогнутыми ногами. В нижней части помещены два горизонтальных ушка, основание заканчивается подпрямоугольной втулкой, насаженной на железный стержень. Два навершия сохранились полностью и два во фрагментах.

171. Обломок стержня. Железо, длина 8,8 см, ширина 3 см, толщина 1,5 см. № ПАЭ 1977-78/87.

172. Наносники (6 обломков). Бронза, литье, длина наибольшего 4 см, высота 2,5 см. № ПАЭ 1977-78/81. Уплощенные, на узком основании, со сквозным отверстием в основании шеи, украшены зооморфными изображениями, на одном из фрагментов орлиноголовый грифон.

173. Нащечники (4 целых и 9 обломков). Бронза, литье, длина целых 3,8-4,4 см, ширина 1,5-2,2 см. № ПАЭ 1977-78/80. В виде стилизованных задних лап животного с литой петлей на обороте.

174. Налобники (2 обломка). Железо, 13,0 x 6,5 x 7 см. № ПАЭ 1977-78/85. Два фрагмента пластины толщиной 0,4 см, скрепленных между собой. В отчете и описи находок отмечено, что между ними была ажурная золотая пластина кат. 175.

175. Пластина с изображением оленьих голов (фрагмент).

Пластина ажурная с рельефным изображением двух оленьих голов в профиль с ветвистыми рогами, которые стилизованы под ветви дерева. В композицию включены три пальметты: одна – между рогами животных и по одной за мордами оленей у рамки. Головы размещены зеркально друг к другу. С двух противоположных сторон пластины – рубчатая рамка, а по ее краям снаружи пробито 12 отверстий для крепления к основе. На обороте сохранились остатки кожи (?).

Золото, 5000, вес: 4,89 г, тиснение.

6,7 x 4,3 см.

МИДУ, АЗС-3051.

176. Бляхи круглые (36 экз.). Бронза, литье. № ПАЭ 1977-78/73. Двух видов:

а) выпуклые с конусовидными выступами в центре и прямоугольной петлей на обо-

роте, диаметр 5 см; 5,7 см;

б) выпуклые с литой дуговидной петлей на обороте, диаметр 3 см, 3;4 см; 4,3 см.

177. Ворварки (1 целая и 5 обломков). Бронза, литье, диаметр основания 1,5-1,8 см, высота 0,8-0,9 см. № ПАЭ 1977-78/77. В виде усеченного конуса.

178. Колокольчики (21 экз.). Бронза, железо, литье, ковка, диаметр основания 2,5-2,7 см, высота 2,5-3,5 см. № ПАЭ 1977-78/76. Конусовидные с петлей для подвешивания, с подвижным железным язычком, утолщенным на конце. В стенках, под петлей, два отверстия для перекладины, к которой крепился язычок. Часть колокольчиков украшена подтреугольными прорезями.

179. Лунницы (5 фрагментированных экз. и 6 обломков). Бронза, ковка, длина 5,2-6,3 см, ширина 1,9-2,2 см. № ПАЭ 1977-78/78. В виде плоского полумесяца рогами вниз, с круглым отверстием в верхней части, у одной пробито два. В некоторых отверстиях сохранились фрагменты железных цепочек.

180. Пояс (фрагментированный). Кожа, бронза, ширина 4,2 см, пластины: 4-5 x 2,6-3,5 см. № ПАЭ 1977-78/7-72. Сохранились фрагменты кожи (14 экз.), на одном с двух сторон нашиты бронзовые пластины. Отдельно – 29 бронзовых пластин, из которых 12 фрагментированы. Пояс имел вид кожаной полосы, на которую с двух сторон тонкими кожаными шнурами были нашиты бронзовые ромбовидные пластины с круглыми отверстиями в двух острых углах. Края ремня были окантованы полосками кожи, завернутыми наружу в виде валика, концы не сохранились.

181. Пронизи с обоймами (202 пронизи и 57 обойм). Бронза, ковка, длина 4-4,2 см, диаметр 0,4-0,5 см, обоймы: диаметр 0,6 см, длина 0,4-0,5 см. № ПАЭ 1977-78/74,75. В виде свернутых в трубочку тонких прямоугольных пластинок, которые соединялись между собой небольшими цилиндрическими обоймами, образуя цепочку. В отчете упоминаются остатки тонкого кожаного шнура внутри пронизей.

182. Браслет.

Браслет пластинчатый с отогнутыми наружу краями, с тремя продольными каннелюрами на поверхности. Сильно погнут.

Золото, 3750, вес: 30,8 г, ковка.

Ширина 2,2 см.

МИДУ, АЗС-3052.

183. Обломки пластин и стержня (11 экз.). Бронза. № ПАЭ 1977-78/79.

184. Предмета неясного назначения фрагменты (12 экз.). Бронза? № ПАЭ 1977-78/82. Некоторые фрагменты имеют сферическую форму, некоторые выгнуты волнообразно. Структура обломков волокнистая, напоминает структуру дерева, окрашены в зеленый цвет окисью бронзы. Форма и размеры восстановлению не поддаются.

Тайник № 2

185. Вток копья (1 экз.). Железо, ковка, длина 7,6 см, диаметр 1,6 см. № ПАЭ 1977-78/89. Внутри остатки древка.

186. Наконечники стрел (259 экз. и фрагменты). Бронза, ковка, длина 2,4-3,5 см. № ПАЭ 1977-78/92,93.

1. Трехлопастные с выступающей втулкой с ложком до острия (12 экз.). Аналогичны кат. 50,1; 80,1; 82,1; 145,1.

2. Трехгранные с выступающей втулкой, обозначенной на гранях узкими и прямоугольными углублениями (222 экз.). Аналогичны кат. 50,2, 79,1, 80,2, 82,3, 145,2.

3. Трехгранные со скрытой втулкой (6 экз.). Аналогичны кат. 79,2.

4. Трехгранные со скрытой втулкой и выступающими шипами (13 экз.). Аналогичны кат. 121,4, 145,3.

5. Пулевидные костяные с внутренней втулкой и ровно обрезанной основой (6 экз.). Аналогичны кат. 50,3, 81,4, 145,4.
6. Сохранились остатки древков, некоторые со следами окислов металла.
187. Нож фрагментированный. Железо, кость, длина рукояти 11,5 см, ширина наибольшая 2,2 см, размеры клинка не восстанавливаются. № ПАЭ 1977-78. Однолезвийный с горбатой спинкой, лезвие сохранилось частично. Рукоять восьмигранная сплошная с распилом для клинка, сохранился обломок, закрепленный тремя железными сквозными заклепками.
188. Стержня фрагмент. Железо, длина 5,2 см, диаметр 1 см. № ПАЭ 1977-78/91. Круглый в сечении, с загнутым спиралью концом.
189. Обломок пластины. Бронза, 2,9 x 3,0 см. № ПАЭ 1977-78. Один конец округлый, второй обрезан прямо, по краю невысокий бортик.
- Южная могила
190. Обломок втулки копья. Железо,ковка, длина 7,8 см, диаметр 2 см. № ПАЭ 1977-78/214. Цилиндрической формы с остатками древка внутри. Найден в большом котле.
191. Черпак. Железо,ковка,клепка,наибольший диаметр черпалки 9,6 см, высота черпалки 5,7 см, размеры обломков ручки: длина 4,5-7 см. № ПАЭ 1977-78/213. Ковш имеет форму полушария, сбоку прикреплена ручка, слегка выступающая над краем. Ручка сохранилась частично (5 обломков), ее форма и размеры не восстанавливаются. Черпак лежал возле большого котла.
192. Котел. Бронза, литье, высота 40 см, диаметр 48 см. № ПАЭ 1977-78/211. В виде сферы со срезанной вершиной на невысокой конической ножке (сохранилась третья часть ножки). Чаша котла не орнаментирована, на венчике две дугообразные ручки с тремя небольшими выступами-шишечками, ниже на тулове прикреплены две горизонтальные ручки овального сечения. Внутри котла было много костей животных и остатки мяса, с внешней стороны был покрыт налетом черной копоти и сажи.
193. Котел. Бронза, литье, высота 33 см, диаметр 41 см. № ПАЭ 1977-78/212. Чаша в виде срезанной сферы, поверхность не орнаментирована. Под венчиком расположены две горизонтальные ручки. Ножка невысокая конической формы, с четырьмя литиками, внутри были следы сажи. В котле лежало большое количество костей животных.
194. Навершие. Кость, длина 10,4 см. № ПАЭ 1977-78/210. Из трубчатой кости крупного животного. Верхний край оформлен в виде стилизованного изображения головы хищника (волк?), нижний обрезан ровно, отверстие глубиной 3,4 см.

Перечень материалов из Бердянского кургана, хранящихся в Музее исторических драгоценностей, которые экспонировались на международных выставках
Реконструкция узды с золотыми украшениями (МИДУ, инв. №№ АЗС-3063, АЗС-3065/1-2, АЗС-3071/1-4, АЗС-3072/1-2)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

- 1989 р. Сяйво українських скарбниць. – СФРЮ (Югославія): Загреб. – Sjaaj ukrajinskih riznica. – Zagreb, 1989. – S.162, 109, 188. – Кат. № 33.
- 1990 р. Золото скіфів. Фінляндія: Турку. – Skuyttien kulta-aarre. – Turku, 1990. – S.53, 56. – Кат. № 36.
- 1991 р. Золото степу. Археологія України. Німеччина: Шлезвіг. – Археологія України. – Київ–Шлезвіг, 1991; Gold der Steppe. Arheologie der Ukraine. – Humburg, 1991. – S.306. – Кат. № 95.
- 1992 р. Старожитності України. Від скіфів до Русі (IX ст. до н.е. – XIV ст. н.е.). Японія: Токіо, Кіото, Фукуока: Scythian gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. – Токуо, 1992. – Р. 59. – Кат. № 45.
- 1993 р. Золоті воїни українських степів. Великобританія: Единбург. – Golden Warriors Ukrainian Steppes. – Edinburgh, 1993. – Р. 27. – Кат. № 27.
- 1993-1994 рр. Золото степів. Франція: Тулуза. – L'or des Steppes. Des Scythes a L'invasion mongole. VIIe siecle av. J.–C. – XIVE siecle ap. J.–C. – Toulouse, 1993. – S. 64. – Кат. № 26.
- 1995-1996 рр. Золото степів. Італія: Мілан. – Tesori delle Steppe. – Milano, 1995. – S. 57, 186. – Кат. № 10.
- 1997 р. Золото. Культові предмети кочовиків. – Фінляндія: Гельсінкі. – Oro. Barbaarien kulta-aarre. Barbarernas guld. – Helsinki, 1997. – S. 18-19, 85-86, 97. – Кат. № 10-18.
- 1997 р. Золото степів України. Італія: Віченца. – Oro delle steppe dell'Ucraina. – Vicenza, 1997. – S. 51. – Кат. № 8.
- 1997 р. Скарби України. Люксембург: Люксембург. – TorqsORS d'Ukraine. – Luxembourg, 1997. – S. 70. – Кат. № 9.
- 1998 р. Мистецтво України. Італія: Турін. – Arte in Ucraina. – Milano, 1998. – S. 48-49. – Кат. № 8.
- 1998-1999 рр. Золото України. Японія: Оказакі, Фукуока, Кіото, Йокогама. – Каталог виставки “Золото України”. – Токуо, 1998. – Р.19, 63. – Кат. № 10.
- 2007 р. Золото вершників степів. Шедеври музеїв України. Італія: Тренто. – Ori dei cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina. – Milano, 2007. – S.184, 344. – Кат. № 146.

2009 р. Золото степу. Австрія: Леобен; Німеччина: Мангейм. – Gold der Steppe. Sensationsfunde aus Fürstengräbern der Skythen und Sarmaten. – Wien, 2009; Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs. – Wien, 2009. – S.154-155. – Кат. № 35.

Реконструкція чаши № 1 с золотим декором (МИДУ, инв. №№ НДФ-403, АЗС-3067/1-4)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1989 р. Сяйво українських скарбниць. – СФРЮ (Югославія): Загреб. – Sjaaj ukrajinskih riznica. – Zagreb, 1989. – S.162. – Кат. № 39.

1990 р. Золото скіфів. Фінляндія: Турку. – Skuyttien kulta-aarre. – Turku, 1990. – S. 53, 56. – Кат. № 37.

1992 р. Старожитності України. Від скіфів до Русі (IX ст. до н.е. – XIV ст. н.е.). Японія: Токіо, Кіото, Фукуока: Scythian gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. – Токуо, 1992. – Р. 72. – Кат. № 65.

1993 р. Золото з Києва. – Австрія: Відень. – Gold aus Kiew. 170 meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. – Wien, 1993. – S. 134-135. – Кат. № 27.

1993-1994 рр. Золото степів. Франція: Тулуза. – L'or des Steppes. Des Scythes a L'invasion mongole. VIIe siecle av. J.–C. – XVe siecle ap. J.–C. – Toulouse, 1993. – S. 66. – Кат. № 30.

1994 р. Старожитності України: від скіфів до Русі. Данія: Оденсе. – Henrik Trance. Steppens nomader – skovens bunder. Ukraines arkeologi i 2000 er (900 f. Kr. – 1240). Odense, 1994. – Р. 35, 72. – Кат. № 48.

1995-1996 рр. Золото степів. Італія: Мілан. – Tesori delle Steppe. – Milano, 1995. – S. 69, 188. – Кат. № 20.

1997 р. Золото. Культові предмети кочовиків. – Фінляндія: Гельсінкі. – Oro. Barbaarien kulta-aarre. Barbarernas guld. – Helsinki, 1997. – S. 86, 98. – Кат. № 31.

1997 р. Скарби України. Люксембург: Люксембург. – TorqsORS d'Ukraine. – Luxembourg, 1997. – S. 73. – Кат. № 15.

1998 р. Мистецтво України. Італія: Турін. – Arte in Ucraina. – Milano, 1998. – S. 51. – Кат. № 11.

1998-1999 рр. Золото України. Японія: Оказакі, Фукуока, Кіото, Йокогама. – Каталог виставки “Золото України”. – Токуо, 1998. – Р. 22, 64. – Кат. № 19.

1999-2001 рр. Золото скіфів. Скарби стародавньої України. США: Сан-Антоніо, Балтімор, Лос-Анжелес, Нью-Йорк, Канзас-Сіті; Канада: Торонто; Франція: Париж. – Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine. – New York, 1999. – Р. 162-163. – Кат. № 51; L'or des scythes. – Paris, 2001.

2011-2012 рр. Золоті скарби України. Японія: Хіросіма, Яманасі, Осака; Південна Корея:

Сеул; Сінгапур: Сінгапур. – Gold Treasures of Ukraine. – Токуо, 2011. – Р.34. – Кат. № 47; The Gold Treasures of Ukraine. – Seoul, 2011. – Р. 122-123. – Кат. № 47.

Реконструкція чаши № 2 с золотим декором (МИДУ, инв. №№ АЗС-3068/1-5)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1997 р. Скарби України. Люксембург: Люксембург. – TorqsORS d'Ukraine. – Luxembourg, 1997. – S. 74. – Кат. № 16.

1998 р. Мистецтво України. Італія: Турін. – Arte in Ucraina. – Milano, 1998. – S. 52. – Кат. № 12.

2007 р. Золото вершників степів. Шедеври музеїв України. Італія: Тренто. – Ori dei

cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina. – Milano, 2007. – S. 233, 344. – Кат. № 147.

Пластини с изображением льва (МИДУ, инв. №№ АЗС-3074/1-3)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1987 р. Золото Києва. Італія: Флоренція, Генуя. – L'Oro di Kiev. – Milano, 1987. – S. 64. – Кат. № 25.

1989 р. Сяйво українських скарбниць. – СФРЮ (Югославія): Загреб. – Sjaaj ukrajinskih riznica. – Zagreb, 1989. – S.164. – Кат. № 53.

1990 р. Золото скіфів. Фінляндія: Турку. – Skuyttien kulta-aarre. – Turku, 1990. – S. 53, 57. – Кат. № 70.

1991 р. Золото степу. Археологія України. Німеччина: Шлезвіг. – Археологія України. – Київ–Шлезвіг, 1991; Gold der Steppe. Arheologie der Ukraine. – Humburg, 1991. – S. 303. – Кат. № 100i.

1992 р. Старожитності України. Від скіфів до Русі (IX ст. до н.е. – XIV ст. н.е.). Японія: Токіо, Кіото, Фукуока: Scythian gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. – Токуо, 1992. – Р. 96. – Кат. № 108.

1994 р. Старожитності України: від скіфів до Русі. Данія: Оденсе. – Henrik Trance. Steppens nomader – skovens bunder. Ukraines arkeologi i 2000 er (900 f. Kr. – 1240). Odense, 1994. – Р.72. – Кат. № 69.

1997 р. Золото. Культові предмети кочовиків. – Фінляндія: Гельсінки. – Oro. Barbaarien kulta-aarre. Barbarernas guld. – Helsinki, 1997. – S. 89, 101. – Кат. № 120-122.

1998-1999 рр. Золото України. Японія: Оказакі, Фукуока, Кіото, Йокогама. – Каталог виставки “Золото України”. – Токуо, 1998. – Р. 31, 66. – Кат. № 61.

2007 р. Золото вершників степів. Шедеври музеїв України. Італія: Тренто. – Ori dei cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina. – Milano, 2007. – S. 344-345. – Кат. № 149.

Реконструкція головного убору с золотими украшениями (МИДУ, инв. №№ НДФ-208, АЗС-3075/1-10, АЗС-3043/11-12, АЗС-3086/1-12, АЗС-3088/1-108)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1990 р. Золото скіфів. Фінляндія: Турку. – Skuyttien kulta-aarre. – Turku, 1990. – S. 53, 57. – Кат. № 55.

2010-2011 рр. Золотий горизонт. 4 тисячі років кочовиків України. – Австрія: Лінц. – Goldner Horizont. 4000 Jahre Nomaden der Ukraine. – Linz, 2010. – S.115. – Кат. № 102.

Реконструкція головного убору с золотыми украшениями (МИДУ, инв. №№ НДФ-209, АЗС-3082/1-65, АЗС-3060/1-419)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1992 р. Старожитності України. Від скіфів до Русі (IX ст. до н.е. – XIV ст. н.е.). Японія: Токіо, Кіото, Фукуока: Scythian gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. – Токуо, 1992. – Р. 91. – Кат. № 97.

Подвески-цепочки с привеской в виде бутона (МИДУ, инв. №№ АЗС-3087/37-46)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1982 р. Кочові народи Євразії. Японія: Токіо, Хіросіма, Фукуока, Уцуномія. – Каталог виставки “Кочові народи Євразії”. – Токіо, 1982. – Кат. № 21.

Пластины с изображением сцены побратимства (МИДУ, инв. №№ АЗС-3076/3-5,34,36)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1982 р. Кочові народи Євразії. Японія: Токіо, Хіросіма, Фукуока, Уцуномія. – Каталог виставки “Кочові народи Євразії”. – Токіо, 1982. – Кат. № 20.

1987 р. Золото Києва. Італія: Флоренція, Генуя. – L’Oro di Kiev. – Milano, 1987. – S.66. – Кат. №№ 27-28.

1989 р. Сяйво українських скарбниць. – СФРЮ (Югославія): Загреб. – Sjaž ukrajinskih riznica. – Zagreb, 1989. – S.169. – Кат. № 52.

1990 р. Золото скіфів. Фінляндія: Турку. – Skuyttien kulta-aarre. – Turku, 1990. – S.52, 56. – Кат. № 20.

1991 р. Золото степу. Археологія України. Німеччина: Шлезвіг. – Археологія України. – Київ–Шлезвіг, 1991; Gold der Steppe. Arheologie der Ukraine. – Humburg, 1991. – S.303. – Кат. № 100g.

1992 р. Старожитності України. Від скіфів до Русі (IX ст. до н.е. – XIV ст. н.е.). Японія: Токіо, Кіото, Фукуока: Scythian gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. – Токуо, 1992. – P.98. – Кат. № 113.

1993 р. Золото з Києва. – Австрія: Відень. – Gold aus Kiew. 170 meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. – Wien, 1993. – S.168-169. – Кат. № 45.

1993 р. Золоті воїни українських степів. Великобританія: Единбург. – Golden Warriors Ukrainian Steppes. – Edinburgh, 1993. – P.33. – Кат. № 49.

1993-1994 рр. Золото степів. Франція: Тулуза. – L’or des Steppes. Des Scythes a L’invasion mongole. VIIe siecle av. J.–C. – XIVe siecle ap. J.–C. – Toulouse, 1993. – S.76. – Кат. № 54.

1994 р. Старожитності України: від скіфів до Русі. Данія: Оденсе. – Henrik Trance. Steppens nomader – skovens bunder. Ukraines arkeologi i 2000 er (900 f. Kr. – 1240). Odense, 1994. – P.72. – Кат. № 68.

1995-1996 рр. Золото степів. Італія: Мілан. – Tesori delle Steppe. – Milano, 1995. – S.95, 194. – Кат. № 49.

1997 р. Золото. Культові предмети кочовиків. – Фінляндія: Гельсінкі. – Oro. Barbaarien kulta-aarre. Barbarernas guld. – Helsinki, 1997. – S.89, 100. – Кат. № 102-106.

1997 р. Золото степів України. Італія: Віченца. – Oro delle steppe dell’Ucraina. – Vicenza, 1997. – S.79. – Кат. № 35.

1998 р. Мистецтво України. Італія: Турин. – Arte in Ucraina. – Milano, 1998. – S.74-75. – Кат. № 31.

1998-1999 рр. Золото України. Японія: Оказакі, Фукуока, Кіото, Йокогама. – Каталог виставки “Золото України”. – Токуо, 1998. – P.30, 66. – Кат. № 55.

1999-2001 рр. Золото скіфів. Скарби стародавньої України. США: Сан-Антоніо, Балтімор, Лос-Анжелес, Нью-Йорк, Канзас-Сіті; Канада: Торонто; Франція: Париж. – Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine. – New York, 1999. – P.149. – Кат. № 42; L’or des scythes. – Paris, 2001.

Пластины с изображением грифона (МИДУ, инв. №№ АЗС-3077/65-87)

Год и место экспонирования, название выставки, публикация:

1999-2001 рр. Золото скіфів. Скарби стародавньої України. США: Сан-Антоніо, Балтімор, Лос-Анжелес, Нью-Йорк, Канзас-Сіті; Канада: Торонто; Франція: Париж. – Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine. – New York, 1999. – P. 124-125. – Кат.

Мурзин Вячеслав Юрьевич

Доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии Украины. Специалист в области истории и археологии скифов. Автор более 200 научных работ, изданных в Украине и за ее пределами. В течении многих лет принимал участие в исследовании скифских памятников, в том числе Бердянского кургана.

Белан Юрий Александрович

Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории ювелирного искусства в Украине Музея исторических драгоценностей Украины – филиала Национального музея истории Украины. Автор более 20 научных работ.

Подвысоцкая Елена Петровна

Заместитель главного хранителя Национального музея истории Украины. Автор около 20 научных работ.